

Зачем цветет лори

Автор:

Марина Суржевская

Зачем цветет лори

Марина Суржевская

Зачем цветет лори #1Эфир любви

Таких, как я, называют раянами. Когда-то нас было много, нам поклонялись, словно богиням, нас почитали и нам приносили дары. «Раяна» означало «желание». Тогда мы сами решали, для кого расцветет лори. Но мужчины жестоки... И теперь «раяна» значит «яд». И когда мой цветок расцветет, меня найдут. Сумеречные псы, слуги Темного владыки, они придут за мной, чтобы уничтожить. Я не знаю, для чего цветет лори, но для меня это означает смерть.

Марина Суржевская

Зачем цветет лори

© М. Суржевская, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Таких, как я, называют раянами.

Когда-то нас было много. Нам поклонялись, словно богиням, нас почитали и приносили дары. В те времена мы сами выбирали, кому выказать благосклонность, кого одарить чудом нашей любви и наслаждением. Люди строили для нас храмы и рядили в сияющие одежды небожительниц.

Тогда мы сами решали, для кого расцветет лори.

Но люди переменчивы и мстительны. Когда-то одна из нас отказала темному императору, не пожелав разделить с ним ложе и любовь. И владыка решил свергнуть богиню с ее пьедестала, покарать и заставить упасть ниц перед собой. Мужчина... Даже сильнейшие из них, обладающие магией и властью, бессильны перед болью и желчью разбитого сердца. Император повелел разрушить наши храмы, сжечь наши святыни, а нас объявить вне закона.

Я родилась в то время, когда раяны уже два века были отверженными. Мне не повезло. Родиться с бутоном лори на спине – это смертный приговор. Потому что теперь нас убивают. Нас почти не осталось...

Как мне рассказали, моя мать не смогла собственноручно перерезать горло новорожденной малютке или задушить меня, прижав к лицу тюфяк, набитый старой соломой. Она не смогла сделать так, как велит закон. Но и оставить меня у себя тоже было не в ее власти. Все, на что ее хватило, – подкинуть корзину с младенцем к воротам святой обители в скалах Скорби, туда, куда не ступает нога здравомыслящих людей, потому что в обитель приходят умирать. Возможно, моя мать решила, что там, где царит лишь смерть и мука, у меня будет шанс, и бутон лори не расцветет. А может, она просто выкинула меня по пути, и обитель лишь оказалась рядом. Я не знаю...

Я выросла в окружении полусумасшедших старух, гнойных трупов и духов мертвецов, которых в обители было больше, чем живых людей. Я даже научилась с ними общаться, ведь маленькой девочке тоже нужны друзья, пусть эта девочка и отмечена смертельной печатью спящего цветка.

Долгие годы бутон не раскрывался, лишь плелись по позвоночнику тонкие ветви с узкими листьями, оплетали мою спину черным рисунком. Говорят, что когда-то цветы лори на телах раян цвели живыми красками. Но после проклятия темного

владыки они лишь исчерчивали тело тонким черным рисунком...

Еще болтали, что краски вернутся, если раяна сможет полюбить. Но это, конечно, лишь глупая сказка. Потому что раяны не любят. У раян нет души, нет сердца, у раян есть только тело с цветком лори, и это тело столь желанно для любого, кто к нам прикоснется, что способно свести с ума.

Когда-то раяна означало желание. Теперь это значит яд.

И когда мой цветок расцветет, меня найдут. Сумеречные псы, слуги темного владыки, самые страшные инквизиторы и маги, они придут за мной, чтобы уничтожить. Стереть с лица земли смертельную отраву, способную поработить мужчину.

Раяна означает смерть.

Глава 1

Утром возле обители появился умирающий. Наверное, его просто сбросили у поворота дороги с обоза, оставили в осенней грязи, не пожелав озаботиться, как потащат тяжелое мужское тело скрюченные от времени старухи.

Оникс увидела его из окна, вернее, заметила что-то темное на подъездной дорожке. Она привычно повязала на лицо платок, покрывающий волосы, закрыла лицо маской. Надела длинные, до локтей, перчатки и фартук поверх старого черного платья. Трогать умирающих опасно, можно заразиться какой-нибудь гадостью.

В дорожной грязи лежало тело, и поначалу Оникс решила, что мужчина мертв. Она привычно перевернула труп, осмотрела на предмет ценных вещей. Увы, почти всегда в обитель привозили либо нищих, либо обездоленных, у которых за душой ничего не было. Все, кто был побогаче, предпочитали умирать под присмотром целителей, сила которых могла если не удержать душу, то хотя бы облегчить страдания. В обитель приползали лишь те, кто не мог себе позволить и этого. Но практичные монахини с детства научили Оникс внимательно

осматривать даже этих бедолаг, потому как и у них можно было раздобыть уже ненужные телу вещи или сапоги, которые потом менялись в долине на еду или мыло.

И сейчас Оникс собиралась сделать именно это. Она вскрикнула от радости, поняв, что под слоем грязи видит хорошие кожаные сапоги и вполне добротные штаны. Странно, что возница, доставивший труп, не раздел его. Или побоялся заразиться? В долине свирепствовала марь, косившая жителей пачками, зловонный дым пожаров, в которых сжигались трупы, долетал даже до обители на скале.

Оникс задумчиво рассмотрела труп. Брюнет. На щеке запеклась кровь от длинного рваного пореза, одет в обычную одежду странников. Со вздохом девушка присела, провела руками в грубых перчатках по телу брюнета. Вдруг повезет, и у него окажется поясной кошель? Хотя надеяться на такую удачу было чересчур глупо...

И вскрикнула от неожиданности, когда ее ладонь перехватила жесткая рука, а глаза брюнета распахнулись. На удивление эти глаза оказались не темными, а светлыми, зелеными. Мужчина смотрел на нее напряженно, сжимая запястье так крепко, что Оникс испугалась, как бы не сломал.

- Отпустите! - прошептала она. - Вы делаете мне больно.

- Кто ты? - выдохнул сквозь зубы мужчина. Он попытался подняться, и Оникс ясно увидела на его боку рану, длинную прореху, разорвавшую кожу и мясо, со странными, словно оплавленными краями. Удивительно, что с такой дырой в боку он все еще жив.

- Послушница обители скорби, - ответила Оникс, осторожно освобождая руку. С умирающими лучше поостеречься, порой люди сходят с ума на пороге сумрачных врат и норовят забрать кого-нибудь с собой. А этот полутруп и сейчас выглядел слишком опасным, чтобы подходить к нему ближе, чем на десяток шагов.

- Помоги... - сквозь зубы сказал брюнет, не спуская с нее тяжелого взгляда.

Оникс с сомнением покосилась на его рану. Она удивлялась, что он все еще дышит, но помочь ему? Что она могла сделать?

– Заплачу?... – снова короткий вдох.

– Я... постараюсь, – кивнула Оникс, не сомневаясь, что, несмотря на любые старания, мужчина не дотянет до утра.

Поднявшись с колен, она крикнула старой Марвее, чтобы помогла дотащить мужчину до обители.

* * *

Удивительно, но путник, который, казалось, уже открыл сумрачные врата, через несколько дней заметно пошел на поправку. Оникс пораженно рассматривала длинную рану на поджаром сильном теле, которая затягивалась с поразительной скоростью.

– Почему он так быстро исцеляется? – удивленно спросила она у Марвеи. – Никогда такого не видела.

Старая монахиня не ответила, покачала головой, но в блеклых глазах, окруженных сетью морщин, застыли беспокойство и тревога. Оникс знала, что старуха не одобряет появления в обители мужчины, и даже то, что раненый пообещал заплатить, сохрани они ему жизнь, монахиню не задобрило. Напротив, огорчило еще больше.

– Как бы ни вышла боком нам его плата, – ворчала она, меняя на груди брюнета влажные тряпицы.

– У него точно есть деньги! – жарко шепнула Оникс. – Смотри, какая одежда хорошая! А в обители крыша течет так, что легче на улице спать! Если он нам заплатит, мы сможем ее починить! Ну же, Марви, не хмурься! Ну что он нам может сделать? Кому нужны старые монашки?

– Это мы старые монашки, – тихо сказала Марвея, – но не ты.

Она потянула девушку в сторону от лежанки с раненым и спросила тихим сиплым шепотом:

- Цветок не расцвел?

Оникс покачала головой. Именно Марвея была той, что подобрала ее у порога обители двадцать лет назад. И только она знала ее тайну. Всю свою жизнь Оникс носила закрытую одежду, платок, перчатки и маску. Впрочем, так выглядели в обители все. Маски носили не только чтобы защититься от заразы, но и чтобы дух смерти, забирая умирающих, не увидел лица монахинь. Не заинтересовался, не решил прихватить их с собой.

Марвея кивнула с облегчением, зыркнула на чужака и сплюнула сквозь зубы.

- Ох, не к добру... - повторила она и ушла, тяжело шаркая ногами.

Оникс посмотрела ей вслед и, не удержавшись, снова подошла к лежанке. Брюнет пару раз открывал глаза, осматривал помещение невидящим взглядом и снова проваливался в небытие.

Оникс удивленно остановилась, рассматривая его фигуру. Конечно, мужское тело не было для нее откровением. Сколько их, этих тел, она обмыла своими руками, прежде чем поднести факел к сухому хворосту, обложившему труп? Но все они были тщедушными и страшными, болезненными телами стариков и бродяг, а вот такого она не видела никогда.

Девушка внимательно посмотрела на его лицо. Глаза закрыты, и черные прямые ресницы не дрожат. И потянула вниз старое покрывало.

Тело мужчины было... красивым. Даже сейчас, перевязанное серыми тряпками, оно таило в себе скрытую мощь и силу. Под кожей застыли тренированные мышцы воина, к загорелой коже со следами старых шрамов хотелось прикоснуться. Темная полоска волос тянулась по его накачанному животу и разрасталась вокруг мужского естества. Оникс заинтересованно наклонила голову. Естество тоже было совсем не похоже на то, что было между ног у стариков. Совершенно не похоже.

Девушка воровато оглянулась на дверь и с любопытством исследователя опустила руку в перчатке на живот мужчины, провела пальцем, с легким недоумением ощущая желание прикоснуться к нему обнаженной ладонью. Просто чтобы понять – действительно ли его тело на ощупь такое, как ей представляется?

И изумленно вздрогнула, увидев, что член мужчины дрогнул и стал подниматься. Оникс хотела отскочить, но не успела, перехваченная тяжелой рукой. В одно мгновение брюнет перевернулся, прижал девушку к лежанке, всматриваясь в ее глаза в прорезях маски.

– Отпустите... – пискнула она, испуганная этими злыми глазами, этой силой, так легко скрутившей ее.

– Зачем? – Он не отрывал от нее взгляда. – Ты, кажется, хотела познакомиться поближе?

– Нет... я просто... – Оникс замялась, отворачиваясь и радуясь, что под маской не видно, как она покраснела. – У вас кровь, – тихо закончила она.

Мужчина опустил глаза. От его движения рана раскрылась, и тряпицы сдвинулись, стали густо и быстро пропитываться кровью.

– Архар! – выругался мужчина и оттолкнул Оникс, лег на спину. Однако глаз от нее не отвел. Прижал ладонь к своей ране, и девушка с изумлением увидела, что кровь остановилась и больше не выплескивается толчками. – Сними маску, – сказал брюнет. Нет, не сказал. Приказал. Привычно, потому что привык именно приказывать.

Оникс отступила на шаг и качнула головой.

– Мое лицо обезображено марью. Не стоит на него смотреть. Простите, но я никогда не снимаю маску. К тому же монахиням скорби это запрещено, вы должны знать.

Мужчина медленно кивнул.

– Как долго я здесь нахожусь?

– Мы нашли вас восемь дней назад.

Брюнет осмотрелся и попытался сесть.

– Вам лучше остаться лежать. Рана может снова открыться, – предупредила Оникс. Но мужчина не обратил внимания на ее слова и сел, совершенно не смущаясь своей наготы.

– Восемь дней, – задумчиво повторил он. – Долго.

На его лице не отразилось ни одной эмоции, он размышлял, рассматривая застывшую посреди комнаты девушку.

– Где мои вещи?

Оникс кивнула на деревянный сундук в углу.

– Вы обещали заплатить, если мы поможем вам, – напомнила она.

– Разве монахини скорби не обязаны помогать страждущим? – с легкой насмешкой спросил он. – Без вознаграждения?

Оникс нахмурилась, глаза ее гневно сверкнули.

– Мы обязаны помогать уйти через ворота, – резко сказала она, – а не выхаживать больных! Мы не целители, а провожающие!

Брюнет вдруг подался вперед, настойчиво всматриваясь в ее глаза. Оникс не понимала его странного напряженного внимания, но это испугало ее. Она отодвинулась чуть дальше.

– Сними маску, – чуть хрипло снова сказал он.

Девушка отошла еще дальше. О Небесные Заступники, да она подобрала сумасшедшего! Она ведь уже сказала, что не снимет, да и не бывало желающих любоваться на лицо, изъеденное марью, а он все равно настаивает! Зачем?

– Я заплачу тебе, – так же хрипло сказал он, – заплачу. Не бойся. Подойди.

Оникс покачала головой, уже жалея, что связалась с этим странным сумасшедшим. Лучше бы оставила его на дороге! К счастью, приковыляла колченогая Бета, принесла свежие тряпицы и грибную похлебку для раненого. Пока она бормотала что-то себе под нос, расставляя на шатком столике еду, Оникс выскочила за дверь, чувствуя, как прожигают ей спину зеленые глаза.

* * *

В последующие дни Оникс старалась не заходить в комнату, где лежал незнакомец. Его странное поведение испугало ее, непонятный блеск глаз, властный голос. Она ежилась, вспоминая это, и уже в сотый раз жалела о своем решении и милосердии. Хотя, положив руку на сердце, спасая чужака, она руководствовалась вовсе не милосердием, а обычной практичностью. В обители остро не хватало средств на самые простые вещи, на еду и мыло. Монахини перебивались с сухих лепешек на воду, собирали на склонах ягоды и грибы, корешки да белый мох, пригодный в пищу. Порой Оникс удавалось подстрелить зайца или утку, с детства у нее был острый глаз, а обращаться с арбалетом она научилась, кажется, раньше, чем ходить. И во многом благодаря девушке монахини еще не отправились следом за теми, кого провожали.

Сегодня Оникс тоже решила поохотиться. С вечера похолодало, несмотря на конец лета, в горах было прохладнее, чем в долине, а с вершин уже тянуло осенней сыростью. Так что поверх платья Оникс накинула короткую безрукавку, подбитую мехом собственноручно убитой лисицы.

Она отправилась на северный склон, туда, где заметила следы русаков, надеясь, что Небесные ей помогут и удастся подстрелить парочку. Но, увы, сегодня удача отвернулась от девушки. Все шесть выпущенных арбалетных болтов остались лежать на земле без добычи. Оникс горестно вздохнула. Старая Марвея стала совсем плоха, подслеповатые глаза монахини уже почти не открывались. Последние дни она все больше проводила, сидя на восточном краю обители, рассматривая раскинувшуюся внизу долину невидящим взглядом.

Оникс боялась. Она знала эти признаки надвигающейся смерти, смирение умирающего, взгляд внутрь себя, рассматривающий события своей прошедшей жизни. Страшные признаки ухода. Но все еще надеялась отвоевать для монахини, вырастившей ее, хоть несколько крох уходящего времени.

Поэтому так важно было вернуться с добычей. Из одного зайца можно наварить похлебки на всю обитель, накормить десяток отощавших худых старух сытным бульоном...

В кустах мелькнула серая тень, и Оникс вскинула арбалет, уже понимая, что опоздала, не успеет... Черная сталь просвистела возле ее плеча, и заяц упал, сраженный кинжалом. Оникс отпрыгнула и в страхе обернулась. Чужак, незнакомец, который, как она полагала, лежал в обители, стоял в трех шагах от нее и рассматривал зелеными глазами. На нем были рубаха и штаны, отстиранные Оникс в речке. Как она не услышала его шагов? Как он смог подойти так близко, а она даже не заметила?

– Забирай добычу, – с усмешкой сказал мужчина.

Оникс кивнула и чуть поежилась от его взгляда. Торопливо подобрала тушку зайца и здесь же принялась разделывать, пока зверек не остыл. Чужак молча наблюдал за ее проворными руками.

– Ты не слишком щепетильна, – сказал он.

– Обитель скорби быстро отучает от щепетильности и лишних эмоций, – не поднимая головы, сказала Оникс, методично и аккуратно сдирая шкурку зверька. Нож чужака, который он неизвестно где раздобыл, вошел точно в горло, так что девушка порадовалась тому, что мех почти не испорчен. Он еще пригодится.

– Как тебя зовут?

Оникс подняла голову, окинула мужчину недовольным взглядом.

– Это не важно, – спокойно сказала она.

Он метнулся к ней так быстро, что Оникс даже вздохнуть не успела, тушка выпала из ее рук. Мужчина схватил ее за безрукавку, приподнял.

– Отвечай, – холодно сказал он.

Девушка вскинула голову.

– Марвея.

Чужак чуть скривил губы в усмешке.

– Отвечай. Правду, – тихо сказал он, и Оникс вдруг стало страшно от его взгляда. Зеленые глаза были холоднее стали. И в то же время она разозлилась, сжала крепче нож, испачканный кровью зайца, который все еще держала в руках, вздохнула и уткнула лезвие в его бедро.

– Отпустите меня! – сказала девушка. – Заплатите и убирайтесь из обители! Иначе я вгоню арбалетный болт вам в лоб. И с удовольствием провожу к Сумеречным Вратам!

В зеленых глазах вспыхнула насмешка, смешанная с удивлением. Он притянул ее ближе, прижал к своему телу. А еще в его лице Оникс увидела то, чего не видела раньше в лицах мужчин. Она не знала этому названия, это было похоже на... голод.

– А сможешь? – лениво протянул он. – Уверена?

Он держал ее одной рукой, и Оникс поразились его силе. А второй потянулся к черной маске, закрывающей ей лицо.

Девушка глубоко вздохнула и воткнула кинжал ему в бедро.

– Ашан архар! – выругался мужчина, отпустил ее и удивленно выдернул из себя клинок. Оникс отскочила, перепрыгнула через ствол упавшего дерева и, схватив свой арбалет, обернулась к чужаку. Но на том месте, где он стоял, уже никого не было. Девушка испугано осмотрелась, не понимая, куда он делся, и вскрикнула, когда мужчина сзади обхватил ее и выдернул из рук арбалет. Он сжал ее

запястья одной рукой, и Оникс всхлипнула от боли. Мужчина замер.

- Пожалуйста, не надо, - прошептала она.

Он вдруг отпустил ее и отошел. Девушка быстро отбежала в сторону, обернулась. Мужчина стоял возле дерева, не спуская с нее глаз. И, кажется, даже внимания не обращал на рану.

- Пожалуйста, уходите! - сказала девушка. - Вы уже достаточно окрепли, чтобы уйти. Можете... можете не платить за ваше спасение... просто уходите!

- Я всегда держу свое слово, - неторопливо сказал он. - Я заплачу тебе.

Оникс вздрогнула. В его словах прозвучало то ли обещание, то ли угроза.

Глава 2

Чужак исчез так же внезапно, как и появился. После их общения на северном склоне в обитель он не вернулся. Впрочем, Оникс лишь вздохнула с облегчением и выкинула незнакомца из головы. Последующие дни Небесные ей улыбались, погода стояла теплая и сухая, а охота была удачной. Как-то удалось подстрелить косулю, и в обители был настоящий праздник, с наваристым бульоном и мясным рагу, приправленным лесными корешками и белым мхом.

Даже Марвея ожила, присоединилась к монахиням в трапезной и улыбалась, слушая веселый рассказ Оникс об удачной охоте.

Стук копыт на подъездной дорожке заставил монахинь напрячься и повернуть головы к двери.

- Кто это к нам пожаловал? - удивилась колченогая Бета. Матушка Ара окинула всех недовольным взглядом.

- Маски, - напомнила она.

Монахини быстро закрыли лица.

– Вестничий, что ли? С новостями? – предположила Бета. – Или путники какие заплутали?

Оникс покачала головой. Даже заплутавшие путники не торопились узнать дорогу в мрачной обители скорби. Слишком дурная примета переступить этот порог добровольно. Считалось, что, узрев путника, дух смерти уже не отвяжется, пойдет следом за случайным гостем.

Странная тревога и плохое предчувствие наполнили ее душу. Она потихоньку отошла в угол трапезной, в тень, и потянулась к своему арбалету. Старая Марвея, кажется, тоже заподозрила неладное, потому что поднялась с лавки и кивнула Оникс на черный ход.

– Уходи, – прошептала она. – По твою душу...

Оникс метнулась к ходу, но застыла, когда дверь открылась, с изумлением глядя из тени на вошедших. Их было четверо – мужчины в черной одежде и плащах, со страшным серебряным знаком на груди. У одного из четверых знака не было, но по тому, как он держался, не оставалось сомнений, кто в этой компании главный. И это был чужак с холодными зелеными глазами. Тот самый, которого Оникс подобрала в грязи у ворот обители. В этот момент она сильно пожалела о своем поступке, потому что в дверях стояли самые страшные люди империи.

– Сумеречные псы... – испуганно выдохнула матушка Ара.

Марвея незаметно кивнула Оникс. «Убегай, уходи!» – молили ее глаза.

Но было поздно. Незнакомец увидел ее, и странная магия сковала девушку по рукам и ногам, не позволяя ей двигаться. Так вот почему так быстро заживали его раны! Пес... Сумеречные псы владели магией.

Чужак неторопливо прошел мимо застывших монахинь, не спуская глаз с Оникс.

– Куда же ты убегаешь? – с насмешкой сказал он. – Я пришел вернуть долг.

Он, не глядя, положил на стол тяжелый кошель, в котором красноречиво звякнули монеты. Матушка Ара сглотнула, ведь кошель был большой и туго набитый. Так туго, что монахини могли не только починить крышу и закупить новые тюфяки, но и отстроить новую обитель, а потом еще безбедно жить несколько лет.

Сумеречный пес дорого оценил свою жизнь.

Оникс неуверенно кивнула.

– Спасибо, – сказала она, надеясь, что на этом чужак успокоится и просто уберется, оставив их в покое. Но не тут-то было. Он приблизился, рассматривая ее. Протянул руку в черной перчатке, приподнял ее подбородок, заглядывая в глаза. Улыбнулся. Оникс дернулась, пытаясь вырваться.

– Надеюсь, я могу увидеть лицо своей спасительницы? – спросил он, протягивая руку к ее маске.

И вдруг замер. Насмешка пропала из его глаз, и в них блеснула сталь. Трое Сумеречных псов у двери подобрались, вскинули головы, принюхиваясь, словно волки, учуявшие запах козули.

Оникс в ужасе зажмурилась. Потому что случилось то, чего она больше всего боялась. Ее кошмар. Ее проклятие. В самый неподходящий момент, который только можно себе вообразить.

Цветок лори зацвел.

Чужак отдернул руки от ее лица, словно обжегшись, в зеленых глазах вспыхнуло изумление, смешанное с яростью.

– Так вот почему... – медленно сказал он. – Вот почему я все время о тебе думал... Раяна. Ты раяна.

Псы скользнули со всех сторон, окружая ее. Страшно закричала, забилась старая Марвея, пытаясь их задержать, но ее отбросили в сторону, как тряпичную куклу. Это словно отрезвило Оникс, разбило страшную магию незнакомца, и она

отскочила в сторону и метнулась к выходу. Ей даже удалось пробежать коридор, и, задыхаясь, девушка вывалилась на улицу и сразу упала в объятия страшного чужака. Она изумленно вскрикнула, не понимая, как он так быстро оказался здесь.

Мужчина сжал ее руки и снова обездвижил своей магией.

– Я – Верховный аид Темного Владыки, Ран Лавьер. И за то, что ты спасла меня, раяна, я не убью тебя. Я доставлю тебя Владыке, чтобы он сам решил твою участь.

Он отодвинулся от нее, зеленые глаза, словно два клинка, пронзали девушку.

Оникс с ненавистью смотрела в его лицо, на котором уже не осталось раны, только тонкий белесый шрам, и жалела, что собственноручно не вогнала арбалетный болт в его лоб.

– Какая милость, аид, – усмехнулась она, – отвезти меня Владыке! Продлить мою жизнь на целую луну, пока мы не доберемся до Града. Вы так милосердны, пес!

Оникс скривилась. Она знала, что ее жизнь закончена. Никто не смеет оставлять раяну в живых, печать проклятого цветка не дает шансов своим жертвам. Ран Лавьер отпустил ее и кивнул псам:

– Свяжите ее.

Оникс не кричала, когда мужчины ее связывали, молчала, боясь своими криками еще больше испугать монахинь. Но вырывалась отчаянно, хоть и понимала, что силы не равны. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что аид хотя бы заплатил и теперь обитель будет восстановлена, а монахини накормлены. Хоть какая-то польза от ее никчемной жизни. Когда она извернулась особенно сильно, пнув одного из мужчин сапогом в причинное место, кто-то резко и точно ударил ее по голове. И Оникс провалилась во тьму. И уже не чувствовала, как ее тело перекинули через седло лошади и повезли вниз по склону, все дальше удаляясь от ее дома.

* * *

Сознание возвращалось медленно и неохотно, вместе с болью, и Оникс застонала, приходя в себя. Она открыла глаза. Маска все еще была на ее лице, что и неудивительно. Если раньше Лавьер стремился снять ее с девушки, то, узнав, что она раяна, мог и мешок на голову надеть, боясь чар.

Оникс подышала, прогоняя из головы болезненную муть и рассматривая в прорези маски солнечный свет, проникающий сквозь листву. Потом села, удивленно рассматривая свои руки. Она не была связана и лежала под деревом. Сумеречные псы подобрались, заметив, что она пришла в себя.

Лавьер отошел от разложенного костра, на котором медленно поджаривалась тушка утки, и подошел к ней. Протянул девушке кружку с водой.

– Какая забота о смертнице, – хрипло сказала Оникс. Но кружку взяла, ее мучила жажда. Осушив до дна, она вернула ее аиду. – Еще, – сказала она.

Сумеречный усмехнулся. Отошел и вернулся уже с бурдюком. Оникс жадно напилась, поставила бурдюк на землю и вытянула ноги. Когда явились псы, она была одета для охоты, и теперь на ней были мешковатые коричневые штаны, рубаха с длинными рукавами и сапоги. Так одевались в долине охотники – удобно и практично. Только на Оникс еще был платок, плотно обхватывающий голову, и маска обителю скорби с прорезями для глаз и рта. А вот перчаток не было.

Аид нахмурился, посмотрев на ее пальцы, обхватившие кружку. Прикосновение раяны – яд...

– Гахар, – окликнул он одного из псов, и к ним подошел высокий блондин, – привези из ближайшей деревни перчатки для нее.

Гахар кивнул и пошел к лошадям.

– Как тебя зовут? – спросил он девушку. Оникс подавила в себе желание истерично расхохотаться и кивнула на жареную утку.

– У нее ты тоже поинтересовался именем, прежде чем зажарить? – спросила она.

Зеленые глаза айда вспыхнули. Его руки в черных перчатках больно сжали ей плечи.

- Когда я спрашиваю, ты отвечаешь, понятно? - спросил он.

- А то что? - опять усмехнулась Оникс. - Убьете меня?

- Нет, - медленно сказал он. - Накажу.

И в ее груди расцвела боль. От его взгляда словно что-то вспыхнуло внутри, обожгло пламенем внутренности. Оникс закричала, упала на землю, скрючившись от боли. Миг, и все исчезло. Боль ушла, оставив лишь воспоминание о себе.

- Как тебя зовут? - повторил аид.

Оникс подняла голову, с ненавистью глядя в его глаза.

- Отправляйся в архар, - прошипела она. Новая боль скрутила ее сильнее прежнего, и девушка выгнулась дугой, пытаясь сделать хоть глоток воздуха. Аид склонился над ней, чуть приподняв бровь, в ожидании ответа.

- Сильнее, - выдохнула сквозь слезы Оникс, - давай сильнее... И покончим с этим.

Боль исчезла, аид холодно рассматривал ее сжавшуюся фигуру. На его лице не было эмоций. Бесстрастный, беспощадный убийца.

- Поешь, - бросил он, отходя от нее.

Оникс снова села, потянулась к бурдюку с водой. Посидела, рассматривая спины мужчин. На нее, казалось, не обращали внимания, словно забыли. Аид вообще отошел к лошадям, вытащил из седельной сумки какой-то пергамент и принялся его изучать. Оникс прислушалась к себе. Вроде все в порядке, ничего не болит, в голове немножко шумит, но незначительно.

Она осторожно отползла в сторону. Маленький шажок. Еще один. Очень тихо поднялась. На нее никто не смотрел, и это было странно... но все же... Вдруг? Надежда загорелась внутри путеводной звездой. Набрал побольше воздуха, Оникс рванула за деревья, в лес, стараясь ступать как можно быстрее и как можно тише, сердце уже пело, предчувствуя свободу...

Невидимая магическая петля натянулась, и Оникс упала на землю, хватая ртом воздух. И тут же рядом возник аид.

- Далеко собралась? - холодно спросил он.

Девушка села, потрясла головой. Так вот почему она не связана! Зачем связывать веревкой, когда есть магия?!

- Ты не сможешь убежать от меня, - подтвердил ее догадку аид, - даже не старайся. Разорвать мой аркан почти невозможно. Я сказал, что доставлю тебя к Владыке, и я сделаю это.

Оникс неловко поднялась.

- Мне нужно отойти, - сказала она. Смущения не осталось. К чему смущаться перед этим убийцей?

- Иди, - сказал аид с усмешкой.

Оникс отвернулась и пошла в лес, чувствуя его за своей спиной.

- Собираешься подсматривать, аид? - усмехнулась она.

Он не ответил, и Оникс пожала плечами. Она зашла за густые кусты аяры, смутно видя сквозь ветви фигуру в черном. Потом вышла и неторопливо пошла туда, где бился о камушки лесной ручей. Рядом с водой девушка остановилась, присела на корточки, оглянулась через плечо. Лавьер равнодушно стоял за ее спиной.

- Значит, все-таки подсматривать, - с отвращением сказала Оникс. Отвернулась к воде и подняла руки, разматывая черный платок и снимая маску.

– Что ты делаешь? – хрипло спросил за ее плечом аид. Оникс, не поворачиваясь, пожала плечами. Какая теперь разница, увидят ее или нет, она больше не монахиня обители скорби. Она смертница, которая проживет чуть больше оборота луны, пока ее не доставят к Владыке. Так что...

– Собираюсь умыться, – с ненавистью в голосе ответила она.

Ран Лавьер за ее спиной промолчал. Он вообще не мог говорить, замороженный, зачарованный. Странные чары раяны... Он смотрел, как она подняла тонкие руки, разматывая черную тряпку на своей голове. Как мелькнули под ней светлые, почти белые волосы. Смотрел, как она откладывает платок, расплетает косы и тяжелая светлая волна падает на тонкую спину. Аид замер, не в силах оторвать от нее взгляд. Что-то странное творилось с ним с той минуты, как он открыл глаза в темной комнате и увидел девушку в маске, которая проводила пальцем по его животу. Все его естество, несмотря на рану в боку, откликнулось, задрожало, дернулось ей навстречу в тот момент.

Раяна. Как он сразу не догадался? Почему почувал цветок лори только потом, когда вернулся в обитель, намереваясь заплатить за свою жизнь? А еще собираясь узнать, как выглядит его спасительница и почему она не выходит у него из головы!

А теперь он стоял у лесного ручья, смотрел на тонкую фигуру девушки, что фыркала, умываясь холодной водой, откидывала белые волосы, и узкие запястья мелькали в широких рукавах. Ран Лавьер не понимал, почему его сердце колотится как сумасшедшее в ожидании того момента, когда она обернется.

Там, в обители, девушка сказала, что ее лицо обезображено марью, страшной болезнью, после которой на коже остаются глубокие рытвины-ямы, красно-коричневые и безобразные. Но даже если это так, даже если девушка, которая не пожелала назвать своего имени, – урод, кровь раяны все равно сделает свое дело. Даже не прикасаясь к ней, Лавьер чувствовал желание, которое она вызывает, дикое желание, похожее на неутолимый голод...

Оникс в последний раз брызнула в лицо холодной водой, вытерлась своим платком и встала. На краткий миг она даже забыла о стоящем за спиной аиде и когда повернулась, ее лицо было спокойным.

Зеленые и синие глаза встретились.

Ран Лавьер жадно смотрел в лицо девушки, его взгляд ощупывал ее, трогал, прикасался, делал все то, чего не мог сделать аид, затянутый в черную одежду Сумеречных псов. Он смотрел, не отрываясь, словно впитывая ее в себя, с усмешкой понимая, что монахиня соврала и никакой мари в ее жизни не было.

Потому что ее лицо было совершенно. Бледная, бархатистая даже на вид кожа, на которой сейчас лежал нежный румянец от холодной воды. Аккуратный прямой нос. Высокие скулы. Губы, созданные для поцелуев и словно чуть припухшие. Глаза... Два синих омута, в которых хотелось утонуть.

А еще хотелось впиться губами в ее рот, раздвинуть губы, коснуться ее языка. Почувствовать ее вкус. Впиться так, чтобы она не могла дышать, чтобы стать ее воздухом. Хотелось сжать ее тело, ощутить его упругую мягкость, как тогда, в обители, когда он прижал ее к кровати. Хотелось сорвать с нее одежду, все эти страшные серые тряпки, увидеть ее целиком, всю, провести по ее коже ладонью, языком, губами... Оставить на ней свои отметины, красные следы своих поцелуев и укусов, заклеить ее собой.

Ран Лавьер хотел эту девушку. С первой минуты, когда заглянул в прорези маски и увидел ее глаза. Хотел так сильно, что даже собирался увезти из обители в свой замок. Забрать, даже не зная, как она выглядит, лишь ощущая дикое притяжение, с которым не мог совладать.

Не понимая, что делает, аид шагнул к ней еще ближе, так близко, чтобы рассмотреть в ее глазах свое отражение, чтобы заглянуть в душу... Но у раяны нет души. Есть только тело и чары, способные свести с ума.

Ран Лавьер отпрянул от нее. Сжал зубы.

- Надень маску, - холодно сказал он. - И убери волосы.

- Зачем? - удивилась она. - Я уже не в обители.

- Надень маску, - прошипел Ран Лавьер.

Оникс пожала плечами, подняла руки, закручивая волосы в тугий узел. От ее движения под свободной рубашкой ясно обозначилась девичья грудь и проявились острые тугие соски. Аид почувствовал, как застучало в висках и в паху разлилось напряжение. Он понимал, что это чары, проклятая кровь раяны заставляет его тело так реагировать, лишает здравомыслия и привычной отстраненной холодности, лишая разума.

– Надевай... маску, – сквозь зубы приказал он и, отвернувшись, пошел к месту их стоянки. Магический аркан натянулся, заставляя Оникс идти следом, как собаку на привязи.

Однако аид недооценил упрямство бывшей монахини. Потому что когда он вышел на поляну, у его псов, холодных, жестоких убийц вырвался слаженный вздох. Лавьер с яростью обернулся и понял, что девчонка ослушалась его, ее лицо было открыто. Черная маска осталась где-то возле лесного ручья, а синие глаза блестели ненавистью и презрением, осматривая подобранных голодных псов.

– Ты упряма, – со вздохом сожаления сказал он, и Оникс закричала, потому что ее тело снова пронзила боль. Она упала на колени, судорожно пытаясь вдохнуть. Боль длилась лишь несколько мгновений, аид строго дозировал ее, желая не покалечить, а лишь научить послушанию. За много лет аид так отточил свое искусство боли, что действовал им не хуже клинка, с беспощадностью отсекая от чужих душ неповиновение и упрямство. Он умел подчинять. Любого, даже самого строптивого упряма, даже самого сильного и волевого аид был способен сломать и подчинить. Поэтому он был верховным.

Девчонка подняла голову и посмотрела снизу вверх. И Ран Лавьер опешил от той ненависти, которую он увидел в синих глазах. Никакого смирения, никакой покорности, только ненависть.

Раяна.

Раяны никогда не сдавались, поэтому их можно было только убить. Раяны – это гремучие змеи, яд которых парализует ум и тело, уничтожает. Аид знал это, знал, как и все в империи, как и его псы, которые сейчас застыли, глядя на стоящую на коленях девушку.

Гахар шагнул вперед, не спуская с девчонки глаз.

– Я привез перчатки, господин, – тихо сказал он.

Аид бросил перчатки на землю.

– Надевай, – холодно сказал он.

Оникс так и сидела, уткнувшись коленями в землю и раздумывая, стоит ли слушаться. Потом подобрала перчатки и засунула за пояс. Встала и пошла к костру, стараясь не обращать внимания на мужские взгляды.

– Смертниц тут кормят, надеюсь? – презрительно спросила она и протянула руки к уже остывающей на траве жареной утке.

Для чего расцветает лори?

* * *

После обеда путники снова двинулись в путь, и Оникс обрадовалась, что все же взяла перчатки. Потому что ей выделили лошадь, и дальше она поехала верхом. Не будь перчаток, ее ладони уже через лье покрылись бы волдырями от поводов. Она ехала в центре, окруженная мужчинами, и постоянно чувствовала на себе их взгляды. Раяны были редкостью. За двести лет по приказу Владыки были уничтожены почти все, да и девочки с бутоном лори на спине почти перестали рождаться. Наверное, Небесные просто сжалились и перестали посылать раян на землю.

Оникс грустно раздумывала, почему именно ей досталась такая незавидная судьба, и с тоской вспоминала обитель. За двадцать лет она ни разу не уезжала дальше долины, где монахини закупали продукты и разную мелочь, и сейчас осматривала местность с легкой печалью. Когда-то она мечтала о путешествиях, хотела увидеть далекие города, а возможно, и сам Темный Град, где стоит дворец Владыки. Какая насмешка небес! Вот уж, правда, будь осторожен в своих желаниях, они могут сбыться...

К вечеру путники добрались до небольшого поселения. Возле его стен Оникс связали, а один из псов, широкоплечий и здоровый шатен, накинул ей на голову мешок.

- Чтобы вы сдохли! – с чувством пожелала Оникс.

Кто-то забрал поводья из ее рук, так что лошадь теперь шла без участия девушки.

- Господа, – подобострастно сказал чей-то голос, и Оникс догадалась, что это страж у ворот, – приветствую вас в Красном Яре!

Оникс набрала побольше воздуха и... заорала:

- Помогите! Спасите, меня похитили!

Она ничего не видела, веревки держали крепко, и даже не знала, на что надеялась. Может, что найдется безумец, который решит спасти ее от рук этих убийц? В глубине души Оникс понимала, что это глупо, никто в здравом уме не станет связываться с Сумеречными псами, но не могла не попробовать. Каждое мгновение она ожидала возвращения боли, но ее не было, и с тихой радостью девушка догадалась, что аид не может причинить боль, не посмотрев в глаза.

Что ж, она это запомнит.

За темным мешком, который закрывал ей голову, произошло движение, суматоха, кто-то вскрикнул. Потом удар, ее сдернули с лошади и понесли. Оникс выгнулась, забилась, пытаясь освободиться и продолжая кричать. В какой-то момент она так дернулась, что черный мешок слетел с ее головы, и девушка поняла, что ее несет на руках аид, а вокруг них толпятся люди. Сумрачные псы держали обнаженные клинки, а стражники городских ворот провожали их мрачными взглядами.

О Небесные Заступники! Кажется, у нее получилось!

Она забилась в руках айда и снова закричала, зовя на помощь. Здоровенный детина в фартуке кузнеца шагнул к ним навстречу.

– Э, господин... – недовольно сказал он. – Негоже девчонку-то силой...
Неправильно это.

Ран Лавьер вскинул голову, посмотрел на мужика, перегородившего ему дорогу, и могучий кузнец беззвучно осел на землю, уткнулся лицом в грязную мостовую. Люди в панике отпрянули. Оникс затихла, в ужасе глядя на него.

– Ты этого хочешь? – тихо сказал аид, переводя на нее взгляд. – Этого, раяна? Хочешь, чтобы люди умирали из-за тебя?

– Ты убил его... – Оникс потрясенно смотрела в зеленые глаза. – Убил лишь за то, что он хотел мне помочь... Ты чудовище.

Ран Лавьер медленно кивнул.

– Да, раяна, – тихо сказал он. – Я чудовище. И я научу тебя послушанию.

Слезы потекли из глаз девушки. Она заплакала от жалости к кузнецу, от страшного понимания, что ее крик стоил ему жизни. Она плакала и даже не понимала, куда ее несут. Не заметила, в какую дверь они вошли и куда направился аид, прижимая ее к себе. Очнулась только, когда он бросил ее на кровать в какой-то комнате и запер дверь.

Оникс подняла на него заплаканные глаза.

Ран Лавьер обхватил ее лицо рукой в черной перчатке, заставляя смотреть себе в глаза.

– Ты очень упрямая раяна, – задумчиво сказал он, – и даже боль тебя не ломает. Что ж, есть много способов...

Он поднял ее, вздернул девушке руки, перехватил запястья веревкой и перекинул ее через потолочную балку. Оникс вскрикнула и застыла, стоя посреди комнаты со связанными руками. Аид обошел по кругу, удовлетворенно кивнул.

– Если будешь кричать и звать на помощь, – спокойно сказал он, – я убью всех в этой таверне. Поняла меня?

Оникс стиснула зубы, глядя на него.

– Я спасла тебе жизнь! – бросила она. – Вот как ты меня отблагодарил?

Лавьер замер на мгновение. Тряхнул головой.

– Я сохранил твою жизнь, раяна, хотя это преступление. Раяны – зло, которое нужно уничтожить.

Он обошел Оникс и встал за ее спиной. Девушка напряглась. А потом ее шею коснулось холодное лезвие. Она вздрогнула.

– Не дергайся, раяна, – хрипло сказал аид за ее спиной. – Я не хочу тебя порезать. Пока не хочу...

Ткань ее рубахи расползлась под сталью клинка, и Оникс ощутила прохладный воздух на своей спине. Лавьер молчал, и девушка боялась пошевелиться, не понимая, что он делает.

Аид рассматривал девичью спину: тонкая линия позвоночника, узкие плечи, талия, которую он мог обхватить, сведя ладони. Маленькие ямочки внизу, там, где была линия широких для нее штанов. Черный рисунок на бархатной коже. Цветок лори покоился на ее лопатке, раскрытый бутон с нежными, трепетными лепестками, а его побеги спускались вниз по позвоночнику и убегали за кромку штанов.

Ран Лавьер никогда не видел цветка лори, хотя видел раян. Он не знал, почему с этой девчонкой все иначе, почему он решил... посмотреть. Увидеть, зная, что прикасаться к ней нельзя, ведь яд раяны проникает через кожу. Но он мог посмотреть и дотронуться до нее рукой в перчатке. Девушка застыла, сжалась испуганно и дернулась, когда почувствовала прикосновение его руки. Аид медленно провел пальцем по ее позвоночнику, видя, как живой рисунок чуть смещается, как дрожат лепестки цветка и двигаются тонкие листья.

Оникс молчала, чувствуя тяжелое дыхание аида на своей коже. Горячее дыхание. А потом к ней снова прикоснулось лезвие, и она вскрикнула, поняв, что он разрезал ткань ее штанов. Ладони в перчатках медленно легли на ее ягодицы, сжали их. Аид тяжело дышал. Он хотел наказать девчонку, хотел научить повиновению! Хотел... О, архар! Он просто хотел ее. Один вид этой узкой спины с невероятным изгибом и круглых ягодиц сводил его с ума. Зачем он это делает?

Но остановиться он уже не мог. Сдерживая свою дрожь, заставляя себя не торопиться, он разрезал ее одежду, оставляя девушку обнаженной. Раяна дрожала, кусала губы, чтобы не закричать. Ей, всю жизнь проходившей в черной закрытой одежде, скрывающей волосы и лицо, стоять вот так – обнаженной, со вздернутыми руками было ужасно унижительно. И аид знал это, знал и наказывал ее за непокорность.

Он обошел ее и остановился перед девушкой, рассматривая ее. Тяжелый взгляд скользил по ее телу, словно касаясь, почти осязаемо.

– Как тебя зовут? – снова спросил он.

Оникс вздрогнула.

– Чтоб ты сдох, аид, – с ненавистью сказала она.

В его глазах заворачивалось зеленое пламя. Он медленно улыбнулся, и Оникс стало плохо от этой улыбки, но она продолжала все с такой же ненавистью смотреть в его лицо.

Он подошел ближе, встал так, что ее грудь почти упиралась в его черный камзол. И положил ладонь на ее тело. Оникс дернулась. Ее кожа покрылась мурашками от прикосновения. Лавьер провел пальцем по ее груди, обрисовал ореол соска, коснулся тугого розового наворачивания, сжал его между пальцев, мечтая ощутить, почувствовать сквозь тонкую кожу черных перчаток. Он сходил с ума. Он понимал, что нужно остановиться, уйти, но не мог. Не мог оторваться от нее, не смотреть, не чувствовать ее запах, заставляющий его втягивать жадно воздух. Тело... Ее тело было прекрасно. Так безупречно красиво. Так незащищено. Так близко. Так недоступно. Он трогал ее и сжимал зубы, чтобы не сдернуть перчатки, чтобы не прижаться губами. Сладкая мука... Только кого он

мучает? Ее или себя? И еще это непонятное желание узнать ее имя. Зачем ему имя раяны? Имя той, что должна умереть? Почему ему так хочется узнать его? И почему так хочется услышать свое имя, срывающееся с ее губ?

– Назови меня по имени, – хрипло приказал он. Раяна смотрела, закусив губу. Так сильно, что на краешке показалась капля крови, и он чуть не застонал от желания слизать ее языком. – Назови меня по имени, – прорычал он.

Оникс упрямо молчала.

Ладонь в черной перчатке скользнула вниз и замерла возле ее лона. Девушка задержалась, пытаясь отстраниться, не позволить, спрятаться, но вторая рука мужчины крепко держала ее.

Она отвернулась, и его палец дотронулся до нее внизу и стал поглаживать, ласкать, тереться о какое-то странное место, и Оникс с изумлением почувствовала, как непонятная тягучая и сладкая боль рождается внизу ее живота, как тяжелеет грудь, а тело выгибается навстречу его руке. Зрачки айда расширились, почти полностью закрыв зелень радужки, и теперь казались совершенно черными. Он ласкал ее внизу, не спуская с девушки глаз, ловя ее дыхание, не отпуская ни на миг. Оникс всхлипнула, пытаясь освободиться и не понимая, что с ней происходит.

– Отпусти, не надо... – простонала она.

– Назови.

Он дышал тяжело, она чувствовала, что тело айда напряжено, словно струна.

– Ран Лавьер, – выдохнула она.

– Только... имя, – выдохнул он, почти касаясь ее губ. – Назови.

– Ран...

Что-то поменялось в его глазах. Он замер, облизнул пересохшие губы. Айда трясло. Желание стучало в голове, горело внутри его так сильно, что он больше

не мог терпеть. Он обошел раяну, чтобы не видеть ее глаз, положил ладонь на ее ягодицы. А потом резко расстегнул свои штаны, освобождая член, который, казалось, сейчас разорвет прочную ткань. Зубами стянул перчатку правой руки и обхватил член рукой, а левую положил на спину девушки. Ран Лавьер чувствовал себя мерзко. Ран Лавьер никогда в жизни не делал так, и если бы кто-то сказал ему, что он будет удовлетворять себя сам, глядя узкую девичью спину и сходя с ума от возбуждения, он убил бы этого наглеца на месте. Даже без магии, просто задушил бы.

Но сейчас Лавьер делал именно это.

Оникс не понимала, что происходит, только сжималась, слыша странные звуки, хриплое дыхание за своей спиной.

- Скажи... еще раз, - тяжело дыша, сказал он.

- Ран, - повторила Оникс, опустив голову.

Он не сделал ей больно, но она чувствовала себя так... ужасно. Словно он над ней надругался. Впрочем, в каком-то смысле так и было.

Аид издал короткий хрип и затих. Оникс зябко повела плечами. Пучок волос развалился, упал ей на спину, закрывая цветок лори от его взгляда тяжелой белой волной. Мужчина вытер руку салфеткой и поправил свою одежду. Облегчения не было. Нет, физически было, но то, что тянуло его к раяне, никуда не делось. Более того, глядя на шелк ее волос, аид понял, что начинает хотеть ее... еще больше.

Лавьер выругался сквозь зубы и перерезал веревку, удерживающую девушку. Она вскрикнула и упала, так что ему пришлось подхватить ее, обнаженное тело скользнуло, прижалось к нему, и мужчина зашипел.

- Ложись спать, - приказал он, отталкивая ее от себя. - Утром мы тронемся в путь.

Оникс повернула голову, глядя в его глаза, но аид отвернулся и быстро вышел, закрыв снаружи дверь на ключ.

Глава 3

Впервые за долгие годы Верховный аид Темного Владыки напился. Он оставил своих псов охранять раяну, запечатал ее комнату магией, а сам сменил личину, надев на себя одежду городского жителя, и ушел в глубь города. Сначала он просто шел, почти не понимая куда, а когда увидел какую-то забегаловку, толкнул дверь и приказал принести что-нибудь покрепче.

А потом просто заливал в себя какое-то пойло, почти не чувствуя вкуса, желая просто отключить свое сознание и перестать думать... о ней! Чары... Проклятая кровь раяны сводила его с ума. Если бы можно было к ней прикоснуться! Просто удовлетворить свою страсть, облегчить этот голод, насытиться! Но он не мог этого сделать. А между тем ее присутствие просто выворачивало его наизнанку.

Аид поманил трактирщика, жестом показывая, что требуется добавка.

К нему скользнула симпатичная светловолосая девушка, ловко уселась на колени и прикрыла рот ладошкой, ощутив его возбуждение.

– Ах, господин так напряжен! – сладко пропела она. – Господин желает... развлечься?

Ран Лавьер откинулся на стену, рассматривая девицу. Он умел трезветь быстро, просто отпускал свою магию, и она выжигала в крови хмель за считанные мгновения.

Девица была хороша – молодая, с большой высокой грудью и белозубой улыбкой. Она призывно ерзала задом на его коленях, завлекаяще прижималась. Аид раздумывал, сожалея, что выжег хмель. Впрочем, можно попросить у трактирщика еще выпивки.

– Так господин желает? – жарко задышала ему на ухо девица.

Больше всего аид желал спихнуть ее со своих колен, вернуться в гостиный дом, где они остановились, ногой открыть дверь в комнату раяны. А потом прижаться

к ее губам поцелуем, вжать в кровать столь желанное тело и просто до утра вколачивать его в соломенный тюфяк. Перед глазами понеслись картины того, что именно он хотел бы с ней сделать.

Девушка ахнула.

– О-о-о, – горячо задышала она, – господин так сильно хочет...

Аид отпихнул от себя ее губы, которые принялись изучать мочку его уха. Кивнул трактирщику, чтобы принес еще выпивки.

– У тебя подружка есть? – мрачно спросил он девушку. Та торопливо кивнула. Мужчина с зелеными глазами действовал на нее странно. Поначалу она просто решила заработать, приметив одинокого путника, а заодно развлечься, но теперь... Она нетерпеливо облизнула губы. Теперь она хотела его. Хотела так сильно, что ерзала на его коленях не специально, а от того, что он будил в ней. От желания почувствовать его внутри себя.

– Господин хочет двоих? – неуверенно спросила она.

Он кивнул, в зеленых глазах возникло что-то опасное и тягучее, что совсем свело девушку с ума.

– Меня зовут Жаннетт, – шепнула девушка, прижимаясь к сильной груди.

– Да мне плевать, – отозвался мужчина и залпом осушил кружку. – Зови свою подружку и пошли наверх. И закрой рот. Я предпочитаю, когда рот девушки занят другим делом.

Он поднялся, небрежно оттолкнув ее от себя, и пошел к лестнице, ведущей в гостевые комнаты, на ходу кинув трактирщику крупную монету. Но Жаннетт торопливо побежала следом, больше всего переживая, что этот мужчина передумает и откажется. И делая знаки высокой темноволосой Лее, своей подруге.

* * *

Когда дверь за айдом закрылась, Оникс схватила свою одежду и застонала – та была безнадежно испорчена. Разрезана на куски бесполезной ткани. Разозлившись, она пнула ножку кровати и взвыла – уже от боли. Что делать дальше, Оникс не знала. Она осторожно подергала ручку двери. Заперто. Постояла около окна, забранного решеткой. Сбежать из этой комнаты не представлялось возможным. Оникс посидела на краешке кровати, раздумывая, как ей поступить. Но, так ничего и не придумав, просто легла, закуталась в одеяло и закрыла глаза, стараясь не плакать. Сейчас вся ее бравада улетучилась, испарилась, и Оникс просто чувствовала себя испуганной девчонкой, не понимающей, чем она так прогневала Небесных Заступников, что они послали ей столь неприглядную судьбу.

Оникс не заметила, как уснула, провалилась в тяжелый сон. И не видела, как под утро вернулся ее мучитель и застыл возле кровати, рассматривая ее мокрые от слез ресницы и почти не дыша.

* * *

Пробуждение было тяжелым. Во сне Оникс снилась обитель, и там почему-то была зима. Как ни странно, девушка любила зиму, любила, когда землю укрывает белое покрывало снега, а черные стены обители скорби уже не выглядят столь мрачно. Любила бродить по зимнему лесу, рассматривать ветки деревьев, которые казались засахаренными и блестели на солнце. Любила смешных птиц с красной грудкой, которые нахохлившись сидели на ветках.

Сон был хороший, радостный, и Оникс проснулась с улыбкой. И сразу встретила взгляд зеленых глаз. Мгновение она смотрела на него непонимающе, а потом испуганно отпрянула, прижимая к груди одеяло.

Лавьер сидел в кресле возле кровати. Сидел, вытянув ноги и не спуская с девушки тяжелого взгляда.

– Вставай и одевайся, – приказал он и кивнул на одежду, лежащую на лавке. Оникс медленно села, все так же судорожно сжимая у горла одеяло. Аид поднял бровь. – Ты не поняла моего приказа?

– Ты... собираешься смотреть, как я одеваюсь? – выдохнула она.

- Да.

Оникс снова закусила губу.

- Зачем ты издеваешься надо мной? - тихо спросила она. - Зачем? Что я тебе сделала? Если я должна умереть, просто убей меня... и все.

Аид не отвечал. Зачем? Разве мог он ей объяснить? Просто убить ее... Наверное, это выход. Просто убить, выполнить то, что велит закон. Не будет раяны, не будет этой болезненной необходимости видеть ее, чувствовать, вдыхать ее запах. Не будет этого желания, сводящего с ума, от которого не спасала даже дикая вакханалия, которую он устроил с двумя горячими девицами. Что он только с ними не вытворял! Всю ночь, не останавливаясь, снова и снова, и не мог получить желанного облегчения.

Он хотел эту синеглазую монахиню. Все, точка. И никакая замена, даже двойная, да хоть десятерная, его не удовлетворяла.

- Одевайся, - резко сказал он.

Она блеснула синими глазами, словно молниями выстрелила. И со злостью откинула одеяло, встала, расправила плечи. Шагнула к одежде, что лежала на лавке. Аид принес ей темные штаны, более узкие, чем те, что были у нее раньше, бархатные на ощупь, такие носили богатые юноши. К штанам прилагались белая рубаша и жилет. Даже сапоги ей принесли другие, из мягкой оленьей кожи.

Оникс повела плечом, откидывая волосы за спину.

- Повернись ко мне лицом, - снова приказ.

Она помедлила, не желая слушаться и подчиняться.

- Раяна, если ты не будешь делать, что я говорю, я стану наказывать тебя каждый день. По-разному. Поверь, у меня богатая фантазия. Хочешь, начну прямо сейчас?

Оникс медленно повернулась. В утреннем свете, льющемся из окна, ее кожа словно светилась, тяжелая волна волос укрывала девушку подобно белому плащу. Не глядя на мужчину, она потянулась к рубашке.

- Нет, - чуть хрипло сказал он. - Сначала убери волосы. Собери их... наверху.

Оникс раздраженно повела плечом. А впрочем, какая разница? Пусть смотрит, ей уже наплевать. Она подняла руки, перебирая белые пряди, собирая их в тугий пучок на голове. Руки дрожали, и пряди выскользывали, ей никак не удавалось с ними справиться.

- Смотри на меня, - снова приказал он.

Оникс подняла на него взгляд. Замерла, словно захваченная в плен его голодными глазами. Он так смотрел на нее... Мужчина сидел в кресле, расслаблено, спокойно, но его глаза... В них бесилось пламя и плясало дикий танец неистовство.

- Теперь одевайся.

- Ты просто сумасшедший! - не выдержала девушка и, торопливо схватив штаны, почти запрыгнула в них.

Странно, но аид ей ничего не ответил, так и молчал, пока она натягивала штаны, путаясь, завязывала тесемки на рубашке и обувалась. А потом, когда она оделась, и вовсе просто поднялся и вышел за дверь.

Оникс немножко подумала, а потом пошла следом.

* * *

Внизу при ее появлении разговоры смолкли. Девушка неуверенно пошла между лавками, стараясь ни на кого не смотреть. И подумала, что, кажется, сильно сглупила, отказавшись от своего платка и маски. На нее смотрели. Ее провожали взглядами, раздевали глазами, ощупывали мысленно ее тело. Оникс чуть не застонала, с ужасом понимая, что узкие штаны обрисовывают ее фигуру, а тонкий жилет - грудь.

Это пристальное внимание, это жадное любопытство оказалось пыткой, она не хотела его и чуть не бросилась обратно наверх по лестнице.

Но потом увидела ненавистные зеленые глаза и упрямо прошла через весь зал. И села на лавку.

– Я хочу есть, – сказала Оникс, ни на кого не глядя. Внизу было прохладно, и она подняла руки, зябко подышала на пальцы. И удивилась, когда аид накинул на нее свой плащ. Оникс замерла, борясь с желанием сбросить вещь, в мех которой впитался его запах, но потом решила, что это будет глупо. К тому же у плаща был капюшон, и она быстро накинула его на голову, пряча свои волосы и лицо, закутываясь плотнее, чтобы спрятаться от чужих взглядов.

подавальщица принесла ей тарелку каши и сладкую булку, и Оникс чуть не замурчала от удовольствия, почувствовав на языке сдобу. В обители таких лакомств не водилось, монахини питались очень скромно, а эта булка была еще и посыпана сверху сахаром, что и вовсе было невиданно, ведь сахар стоил так дорого.

Оникс лизнула сладкую корочку и вздрогнула от тяжелого вздоха.

Сумеречные псы смотрели на нее, все четверо, и во взглядах мужчин дрожала разная степень голода. А от зеленых глаз напротив ей просто захотелось спрятаться, убежать. Ее пугал аид. Пугал, потому что она не понимала, почему он так на нее смотрит, почему так ведет себя, не понимала, за что он мучает ее.

Она медленно положила булку на стол и отодвинулась. Опустила голову, прячась внутри широкого капюшона.

– Ешь, – приказал Ран Лавьер.

Она покачала головой.

– Я... больше не хочу.

Она не смотрела на него, боялась, что он прилюдно начнет мучить ее. Боялась посмотреть в зеленые глаза, которые умели причинять боль. Но аид не стал

настаивать и просто положил перед ней тонкие кожаные перчатки.

- Тогда идем, нам пора ехать.

* * *

Над городом вставало солнце, расцвечивая мостовую длинными всполохами оранжевого света. Оникс постояла, рассматривая причудливую светотень. Она любила смотреть, любила наблюдать течение жизни, свет и темноту окружающего ее мира. Ее душа тонко ощущала красоту, видела прекрасное в обыденном, и это ее умение позволяло Оникс никогда не скучать и не унывать.

Вот и сейчас ее сердце порадовалось, рассматривая утреннее солнце, разукрасившее город. Несмотря на весь ужас ее положения, девушка все еще радовалась такой малости, как новый день. Тяжелая рука легла ей на талию.

- О чем задумалась? - спросил аид.

- О том, как было бы прекрасно вздернуть тебя вон на той ветке, - задумчиво сказала Оникс. - Меня эта мысль почему-то очень порадовала.

- У тебя очень дерзкий язык, раяна, - тихо сказал он. - Пожалуй, мне придется снова тебя наказать.

Оникс подняла голову, глядя на него из глубины капюшона.

- Отольются кошке мышкены слезки, - тихо сказала она и пошла к лошади, где ее уже ждал блондин Гахар. Он хотел посадить ее в седло, но Лавьер не позволил, отодвинул своего пса.

- Не трогай ее, - и сам усадил Оникс на лошадь. Его приказ можно было бы расценить как заботу о своих людях, но в его голосе скользнуло слишком много гнева.

Оникс сверху посмотрела на айда, который так и не убрал своей тяжелой ладони с ее ноги. Она демонстративно поморщилась, давая понять, насколько ей

неприятно это прикосновение. Впрочем, так оно и было. И странно, аид убрал руку, только глаза его блеснули яростной зеленью.

Девушка плотнее закуталась в меховой плащ и отвернулась. Какое ей дело до его ярости?

* * *

Через пару часов поселения исчезли и потянулись поля, иногда разбавленные полосами леса. С непривычки у Оникс болело тело, мышцы ныли, и она сжимала зубы, чтобы не всхлипывать. Плохо было как физически, так и душевно. Воспоминание о том, как она стояла обнаженная перед мужчиной, как он трогал ее тело, наполняло душу ненавистью. Оникс не знала, что можно так ненавидеть кого-то, ненавидеть и бояться.

Как бы она хотела повернуть время вспять! Вернуть тот день, когда она увидела на дороге «труп» брюнета! О, она не прошла бы мимо, нет! Она прихватила бы свой арбалет и вогнала ему в сердце тяжелый болт, так, чтобы на груди осталась кровавая дыра! А впрочем, у Сумеречного пса нет сердца, поэтому лучше вогнать болт ему в лоб! Чтобы наверняка...

Странно, но именно эти кровожадные мысли помогали Оникс продержаться. И все равно, когда путники остановились на привал, она почти упала с лошади, настолько у нее все болело.

И побрела в лес, надеясь найти воду и смыть с себя дорожную пыль. Она не оглядывалась и не хотела знать, идет ли за ней кто-нибудь, никаких шагов за своей спиной Оникс не слышала. Но когда она споткнулась о корень дерева и чуть не свалилась, тут же ее подхватили сильные руки.

Аид просто поднял ее, прижал к себе и дальше понес, держа Оникс на руках. Она снова чуть не расплакалась.

– Неужели нельзя оставить меня в покое хоть на несколько минут? – сипло спросила она. – Зачем ты ходишь за мной? Твой аркан все равно не даст мне убежать!

– В лесу много хищников.

Он не смотрел на нее, лишь перед собой, ловко и бесшумно двигаясь между деревьями. Дополнительный груз в виде девушки на руках ему, похоже, никак не мешал.

Оникс чуть не расхохоталась. Хищники?! Он сам себя слышит? В этом лесу самые страшные хищники одеты в черные мундиры Сумеречных псов! А самый жуткий из них держит ее на руках и куда-то тащит!

– Куда ты меня несешь?

– К воде.

– Топить? – не удержалась Оникс. Он посмотрел на нее и усмехнулся.

Они вышли к лесному ручью, и Лавьер поставил девушку на землю. К полудню солнце взошло высоко и нагрело землю. День был ясным, погожим, от утренней прохлады не осталось и следа. Оникс пошла к кустам и оглянулась через плечо. Аид смотрел ей в спину.

– Можно отвернуться? – с отчаянием воскликнула она. – Можно не глазеть на меня хоть... сейчас? Пожалуйста!

Он не ответил, но потом резко сделал шаг в сторону и отвернулся. Оникс облегченно вздохнула. Через пару минут, когда она сделала свои дела и вернулась, девушка обошла аида по широкой дуге и пошла к воде. Со вздохом стянула сапоги и суконные гольфы и с радостью ощутила босыми ступнями прохладный мягкий мох. Солнце припекало все сильнее, словно снова вернулось жаркое лето. Оникс постояла, перебирая ногами и жмурясь от удовольствия, а потом решительно стала расстегивать одежду.

Она разделась, не оборачиваясь и не желая знать, смотрит он на нее или нет. Из всех сил Оникс пыталась убедить себя, что возле ручья кроме нее никого нет.

Ее кожа, особенно между ног, зудела от долгой скачки, и тело настойчиво просило прикосновения холодной воды. Девушка знала, что если сейчас не привести себя в порядок, потом будет только хуже, на коже могут появиться волдыри и натертости. Оникс аккуратно сложила одежду, заколола волосы наверху, чтобы не намочить, и вошла в воду.

Ран Лавьер смотрел. Конечно, он смотрел, не в силах оторвать взгляд от ее тела. Эта девушка, это тело завораживали его. Он сжимал зубы, наблюдая, как она снимает одежду, как собирает волосы, как дрожит на узкой спине цветок лори. Сжимал зубы и заставлял себя стоять на месте, не двигаться, не подходить к ней. А потом он разозлился.

Зачем она делает это? Стоит в воде, так тягуче поводя плечами, так томно, что у него мутится в голове. Неужели она... провоцирует его? Манит?

Оникс плескала водой на свое тело, и радужные брызги стекали по коже. На черном цветке словно застыли капли росы. Лавьер, как всегда, подошел неслышно, и Оникс испугалась, увидев рядом с собой его темную фигуру. Он вошел в воду как был – в одежде, в сапогах – и одной рукой прижал девушку к себе. Она вскрикнула, забилась, но против хватки аида ее силы были все равно что силы кролика против тигра.

– Не дергайся, – тихо сказал он. – Стой... смирно.

Он достал белый платок, намочил его и провел по телу девушки. Оникс зажмурилась. Она не хотела его видеть, не хотела смотреть в его глаза, в эту зелень, которую она ненавидела. Она просто закрыла глаза и не сопротивлялась. Платок скользил по ее телу медленно, неторопливо. Ран Лавьер прижимал девушку спиной к своей груди, обтянутой черным камзолом, одной рукой, а второй неспешно ее... мыл?

Оникс дернулась, когда почувствовала его руку между своих ног.

– Тихо, тихо, – зашептал он, – успокойся.

И прижал ее еще крепче, не позволяя вырваться.

– Ненавижу тебя, – отрешенно сказала она. – Даже не представляешь, как я тебя ненавижу!

Он все так же неторопливо водил платком по ее телу и на ее слова никак не реагировал. А потом отпустил платок и стал выводить пальцем узоры на ее коже. Оникс не понимала, что он делает. Она вообще ничего не понимала. От прохладной воды тело покрылось мурашками, а когда он медленно сжал между пальцами ее сосок почти болезненно, девушка вздрогнула от странной волны удовольствия. Почему она так реагирует?

– Твое тело создано для удовольствия, раяна, – словно в ответ на ее мысли сказал он. – Все в тебе привлекает и манит мужчин, как мотыльков на огонь. Твое тело. Лицо. Запах. Твои движения. Ты – обещание. Обещание наслаждения... Отрава, но такая сладкая... Скажи, скольких ты уже свела с ума?

– Отпусти меня, – прошептала Оникс, на глаза снова навернулись слезы. – Отпусти... Мне противно, когда ты ко мне прикасаешься. Ты... мерзок.

Он замер за ее спиной.

– Вот как, – в тихом голосе прозвучала такая ярость, что Оникс испуганно сжалась. – Сейчас проверим.

Рука в перчатке решительно опустилась под воду, и палец коснулся самого чувствительного места между ног девушки. Оникс снова задергалась, пытаясь избежать этого касания, не позволить ему трогать ее там, но Сумеречный лишь сжал ее крепче, еще и магию применил, чтобы она не дергала ногами. Так что Оникс просто стояла, обездвиженная, пока его рука трогала ее, раздвигала нижние губы, ласкала и гладила. Он не проникал в нее, лишь скользил пальцами по краю, опытные руки безошибочно нашли точку, которая способна подарить женщине удовольствие.

Оникс не поняла, в какой момент ее ощущения изменились. Ненависть никуда не делась, но вместе с ней в теле появилась тягучая боль, зарождающаяся внизу живота и заставляющая ее тяжело дышать. То, что делали его пальцы, почему-то наполняло тело Оникс желанием... чтобы он не останавливался.

– Вот так, раяна, – его горячее дыхание обжигало ей висок. – Кровь не обмануть, верно? Скажи еще, как тебе противно, маленькая лгунья... Скажи, я хочу это услышать.

Оникс дрожала.

– Противно... Мерзко... Ненавижу... Ненавижу тебя!

– Еще, – шептал он, а рука продолжала двигаться так, что тело Оникс выгибалось дугой, заставляя ее откинуть голову ему на грудь.

– Сволочь... Ты отвратителен, аид... Чтоб ты сгорел в архаре...

– Уже... уже, моя маленькая раяна... – прошептал он.

Оникс откинула голову и встретилась с его взглядом. Лавьер смотрел ей в глаза и чувствовал, что сейчас сорвется. Раяна права – он сумасшедший, совершенно помешался на этой девчонке. Что он делает? Что пытается доказать? Что чувствительное тело раяны способно получить удовольствие от его ласк?

Зачем ему это?

Ран Лавьер не понимал. И не хотел думать, он хотел только продолжать. Получая от происходящего странное, извращенное и болезненное удовольствие. Его собственное тело горело в огне желания, мокрая девушка, ерзающая по нему, круглые ягодицы, что неосознанно прижимались к его паху, обтянутому мокрыми штанами, ее совершенная грудь с розовыми сосками, которые он трогал рукой в перчатке... Аид мучился сам. Мучил ее. И не мог остановиться.

Раяна, самая желанная женщина на земле... Женщина, созданная небесами для наслаждения. Женщина, которая заставляла его корчиться от боли, и в то же время эта боль была так желанна.

Ран Лавьер был убийцей, но он не был насильником. Зачем? Всю его жизнь женщины с радостью дарили ему себя. Дарили свои тела, свои сердца и даже души. Дарили, когда совсем не были ему нужны. Женщины для айда были лишь приятным досугом, развлечением, способом расслабиться. Они не занимали его

мысли. Он просто брал их.

Даже самые сильные из них хотели встретить того, кто сильнее, того, кто сломает и подчинит. И аид подчинял. Легко. Женщины позволяли ему делать с их телами все, что ему хотелось. Даже если его игры порой были на краю бездны, на самой грани, за которой уже виднелись Сумеречные Врата. И женщинам это нравилось... За это они любили его еще сильнее.

Порой Лавьер с усмешкой думал, что рабская натура женщин ясно проявляется в их любви к украшениям. Они с таким удовольствием надевали на себя побрякушки, что он дарил, особенно на шею и руки. Их манили ошейники и рабские браслеты, пусть и сделанные из золота, они так легко продавались.

Аид не думал ни об одной из них.

Раньше.

До того, как он увидел синие глаза в прорезях черной маски.

Он смотрел на ее тело, почти лежащее на нем, на ее припухшие губы, на ресницы, мокрые от слез и речной воды.

– Скажи еще, – приказал он. Аид сжал зубы, чтобы не опустить голову и не впиться поцелуем в ее губы. Как сладостна бездна, как тяжело удержаться на краю и как хочется идти по этому краю... Идти, не останавливаясь, постоянно, глядя в манящую пропасть, из которой нет возврата. Сходить с ума и желать... упасть... – Скажи...

– Я ненавижу тебя, Ран Лавьер, – четко сказала Оникс, глядя ему в глаза.

Его рука задвигалась быстрее, жестче, настойчивее, так что девушка вскрикнула и выгнулась. Сладкая боль нарастала в ее теле помимо ее воли, и она ненавидела себя за то, что желает... желает продолжения, хочет, чтобы он не останавливался. Она закусила губу, все так же глядя ему в глаза.

– Оближи губы, – хрипло приказал аид. Его рука замерла на мгновение, и он повторил уже с угрозой: – Оближи губы.

Оникс медленно провела языком по губам. Глаза Сумеречного были совершенно черными от расширившегося зрачка, такие глаза девушка видела у потерянных, которые пристрастились к дурманящей траве. Глаза сумасшедшего...

Его пальцы с силой нажали, и Оникс с изумлением почувствовала, как ее тело накрывает волна сладкой боли, мучительного наслаждения. Мужчина хрипло дышал и почти зарычал, когда она вскрикнула и забилась. Он наклонился к ее губам, не касаясь, но жадно ловя ее дыхание, ее прерывистый стон, прижимая к себе ее бьющееся в оргазме тело и понимая, что сам достиг пика... Раяна права. Он отвратителен.

Девушка затихла, опустив голову. Аид тоже замер.

- Иди на берег, - хрипло сказал, убирая путы.

Оникс отвернулась и медленно пошла, стараясь не расплакаться.

* * *

Раяна быстро вытерлась платком и натянула одежду на еще влажное тело. И не оборачиваясь пошла к месту стоянки. Псы молча занимались своими делами, и Оникс села подальше, под дерево, обхватила колени руками. Она старалась не поддаваться панике и отчаянию и не задумываться, что ждет ее дальше. Если они все же доберутся до Темного Града, несомненно, ее ждет смерть. Быть раяной - само по себе приговор, никого не волнует, что она всего лишь обычная девчонка, не причинившая никому вреда в своей жизни. На ее спине цвел лори - проклятый цветок, означающий смерть.

Но пока она жива. И до Града еще нужно добраться. Оникс знала, что до столицы около одного оборота луны, если ехать на лошади. И аид дал слово, что не убьет ее... значит, у нее есть шанс. Как ни страшны Сумеречные псы, но в дороге может случиться всякое, и если у нее будет хоть малейший шанс убежать, она им воспользуется.

Конечно, Оникс никогда уже не вернется в обитель, никогда не увидит старух, которые были ее семьей. Если Небесные Заступники помогут ей сбежать, ей всю жизнь придется скрываться, жить в бегах, прятать свое лицо и тело... Магия

Сумеречных чуяла цветущий лори, как запах. И, взяв след, они уже не отвяжутся, так и будут идти, пока не найдут ее... Пока не убьют.

Оникс старалась не заплакать. За что? Чем она провинилась перед этим миром? Чем заслужила смерть? Разве это правда, что у раяны нет души? Тогда почему ей так больно от несправедливости и жестокости?

Она со злостью вытерла глаза, не замечая, как смотрит на нее блондин Гахар. Поворачивает голову на малейшее ее движение, и в серых глазах пса горит странная задумчивость.

Глава 4

Аид вернулся, когда Оникс уже поела и напилась холодной родниковой воды. Возле костра она согрелась и совершенно высохла, а от горячей еды немножко повеселела. Она удивилась, когда блондин протянул ей мешочек с засахаренными орешками. Посмотрела недоуменно, не понимая, что это и зачем, ожидая подвоха.

– Бери, не бойся, – сказал Гахар, – это вкусно. Ты ведь любишь сладкое?

Оникс неуверенно взяла, все еще не веря, что это не подвох и не отравка. Хотя зачем псу ее травить? Она внимательно посмотрела в его лицо. Он был самым молодым среди четверых Сумеречных, сероглазый, светлые волосы стянуты в низкий хвост. Пожалуй, из всех он пугал Оникс меньше всего.

– Спасибо, – тихо сказала она.

Орешки оказались вкусными. Сладкие хрустящие кусочки, облитые карамелью и обкатанные в сахарной пудре. Редкое лакомство! По крайней мере она такого ни разу не ела. Даже на душе стало легче и веселее. Оникс ела медленно, растягивая удовольствие, подцепляла орешек пальцем и держала во рту, ожидая, пока карамель растворится. Вкусно...

Аид, как всегда, подошел неслышно и вырвал мешочек из ее рук.

– Кто дал ей это? – негромко спросил он, оборачиваясь к своим псам. Блондин поднялся.

– Я, господин.

Лавьер кивнул, не спуская с него глаз.

– Разве я разрешал ей что-нибудь давать? Пойдем, Гахар.

Он спокойно двинулся за деревья, побледневший блондин – следом. Мешочек с орешками остался лежать на земле. Оникс низко опустила голову. Хорошее настроение исчезло, как не бывало, безжалостно раздавленное, как хрупкий цветок – сапогом. Ей стало холодно, но она не двинулась с места, чтобы укутаться в плащ, так и сидела, обхватив колени руками.

Когда мужчины вернулись, Оникс даже не пошевелилась. Аид присел перед ней на корточки, поднял ее подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. Сквозь слезы на него смотрели синие омуты, полные ненависти, и Лавьер неожиданно растерялся. Просто когда он увидел, с каким удовольствием она жмурится, перекачивает во рту сладость, которую ей дал другой мужчина, внутри словно бездна развернулась. Хотелось убить Гахара, схватить в охапку раяну, спрятать ото всех, не позволить другим к ней приближаться, смотреть на нее, думать... Хотелось заорать «моя» на весь свет.

И теперь она смотрела на него так, что он внезапно понял, что сделал на самом деле. Просто отобрал сладость у девушки, которая, похоже, никогда ничего вкусного не пробовала.

Аид подобрал мешочек, высыпал орехи себе на перчатку.

– Ты не должна ничего брать, раяна, ни у кого, кроме меня. Понятно?

Она просто смотрела на него и на протянутую руку не реагировала. Лавьер со злостью взял ее ладонь и высыпал в нее орехи, сжал ей пальцы, закрывая ладошку. Но стоило ему отпустить, Оникс разжала пальцы и перевернула руку, орехи высыпались на землю.

Девушка молчала, и аид усмехнулся, поднялся. Наступил сапогом на рассыпанное лакомство.

– Как хочешь, – равнодушно сказал он и отвернулся. – Седлайте лошадей, отправляемся.

Вечером они остановились в маленькой деревушке, где было всего три десятка домов. Оникс выделили комнату на втором этаже с узкой кроватью, кадушкой для омовения и маленьким окошком. За день девушка так устала, что уже не могла думать ни о чем, кроме постели, на которой можно вытянуться во весь рост и дать отдых ноющим мышцам. С лошади она просто свалилась и, если бы не аид, наверное, не устояла бы на ногах. И даже не сопротивлялась, когда он поднял ее на руки и понес в дом.

Лавьер вошел, когда она переплетала растрепавшиеся волосы, сидя на кровати в одной рубашке. Стуком в дверь он, конечно, не утруждался. Приблизился, положил ей на колени несколько мешочков. Оникс подняла глаза.

– Это сладости, – в упор глядя на нее, сказал он, – бери. Тебе ведь понравилось?

Оникс не отвечала и не двигалась. Аид раскрыл один мешочек, вытащил оттуда карамель, протянул ей.

– Я не хочу, – равнодушно сказала Оникс, даже не посмотрев. Аид сжал зубы. Развернул другой мешочек, в котором были орехи. Девушка не взяла. Третий – со сладкими ягодами в глазури.

– Я сказала – не хочу, – твердо повторила Оникс.

Ран Лавьер снова испытал два желания одновременно: придушить упрямую девчонку или впиться ей в губы, придавить ее тело к кровати, а потом... Потом взять в губы сладкую ягоду и провести по ее коже, а после медленно слизывать пряный ягодный сок...

Оникс испугано сжалась. Она уже знала этот взгляд, тяжелый, голодный взгляд айда.

– Не хочу, – тихо повторила она. И непонятно было, чему она говорит «не хочу», сладостям или... ему.

Он рассматривал ее задумчиво, и Оникс со страхом ждала очередного мучения, издевательства с его стороны. Но аид ушел, чему она удивилась. Просто повернулся и ушел, захлопнув дверь. Оникс покосилась на сладости и скинула их с колен. Легла, отвернулась к стене, размышляя, что она сделала такого, что аид оставил ее. Понять бы и использовать в дальнейшем! Так и уснула.

Ночью дверь открылась, и Ран Лавьер тихо скользнул к кровати. Посмотрел на рассыпанные возле кровати сладости. Чтобы достать такие лакомства в этом захолустье, ему пришлось изрядно потрудиться. Перетрясти всех жителей и старосту, который в ужасе все-таки вспомнил, что у него было припрятано кое-что для супружницы...

А раяна даже не притронулась.

Девушка лежала к нему спиной, отвернувшись к стене и свернувшись калачиком. Тонкая. Хрупкая. Упрямая. Невыносимо желанная... Аид вышел, тихо закрыв за собой дверь.

* * *

Проснулась Оникс как всегда на ранней заре, как привыкла просыпаться в обители. С опасением перевернулась, страшась увидеть в комнате айда, но его не было, и девушка вздохнула с облегчением. Умылась, поплескала на себя водой из кадушки. Оделась. Обошла свою комнатку-клетку. Осторожно подергала дверь – заперто. Окошко маленькое, мутное, затянуто слюдой. Но даже если удастся выбраться из комнаты, Оникс не знала, есть ли на ней аркан. Магические путы, привязывающие ее к аиду, она совсем не ощущала.

Оникс со вздохом присела на край кровати, не зная, чем заняться. В обители она вставала рано, потому что там всегда было много работы: принести воды из колодца, сходить на охоту или к заводу, проверить сети, постирать одежду, убрать... Если в обители были умирающие, то сделать то, что требовалось для облегчения их ухода. Она привыкла к простору, к горным склонам, к свободе и сейчас остро ощущала стены, что давили на нее. Клетка. Тюрьма. И как сбежать

из нее, Оникс не знала.

Как убежать от четырех сильных мужчин, что могут найти ее по цветку лори?

Проклятый цветок!

Оникс повела плечом, закинула руку назад, коснулась своей кожи под рубашкой. В обители не было зеркал. Как ни странно это звучит, но девушка никогда не видела своего цветка, хотя и ощущала. Но ощущение было с детства знакомым, только раз оно изменилось, когда лори расцвел. Пока бутон не раскрыт, Сумеречные не чувствуют его, и как жестоки оказались к ней Небесные Заступники, раскрыв бутон на ее спине в присутствии псов!

Оникс качнула головой. Не время унывать! Пока она жива, она будет надеяться на лучшее. Когда в дверь постучали, она одновременно испугалась и обрадовалась. Испугалась от неизвестности, обрадовалась, потому что стук означал, что это не аид – Ран Лавьер такой глупостью себя не утруждал.

– Войдите, – негромко сказала она.

Дверь открылась, впуская одного из псов, его имени Оникс не знала. Из всей компании он был самый молчаливый, девушка даже не была уверена, что хоть раз слышала его голос, зато вспомнила, как он накинул ей на голову мешок.

Шатен вошел и остановился, глядя на нее.

– Что-то случилось? – удивилась девушка.

– Аид ждет тебя внизу, – тихо сказал шатен, не спуская с нее глаз. Оникс кивнула.

– Хорошо, я готова.

Шатен стоял возле двери, и Оникс почувствовала себя неуютно.

– Что-то еще? – чуть резче, чем надо, спросила она. Мужчина медленно покачал головой и вышел. Наученная горьким опытом, Оникс накинула плащ, спрятала

лицо под капюшоном и пошла следом.

Хозяйка дома, в котором они остановились, окинула тонкую фигуру девушки любопытным взглядом. Женщине было скучно, в их деревушку редко заезжали путники, новостей никаких, все местные сплетни уже обтерты со всех сторон. Да и какие там сплетни: соседка тайком от мужа бегаёт на конюшню обжиматься с конюхом, а старостина дочка понесла не пойми от кого... Только все это уже так истерто и до дыр замусолено, что совсем неинтересно. А хозяйке хотелось поболтать. А тут такая возможность! Четверо Сумеречных псов, а с ними девушка. Да какая! Такой красавицы женщина сроду не видела. Фея, не иначе!

Расспрашивать о чем-либо мужчин бойкая женщина, конечно, побоялась. Она вообще перепугалась жутко, когда они вошли, Сумеречные – не те гости, которым рады, но и не те, кому можно отказать в гостеприимстве. А эти вели себя вежливо, руки не распускали и даже заплатили. Хотя если бы и не заплатили, хозяйка улыбалась бы так же приветливо. А насчет рук... Женщина была бы и не против. Все красавцы, хоть и мрачные, а от взгляда зеленоглазого брюнета у нее и вовсе все внутри обмирало и переворачивалось так, что она не могла понять, то ли от страха, то ли от желания.

Вчера вечером этот брюнет зашел в дом с девушкой на руках и молча понес ее наверх, не спрашивая разрешения. Его псы быстро проверили дом, оценили безопасность, кинули хозяйке несколько монет и попросили еды.

Так что девушку женщина смогла рассмотреть только сейчас, и то после того, как она сняла свой плащ, убедившись, что в доме кроме женщины и Сумеречных никого нет.

И теперь хозяйка изо всех сил улыбалась, надеясь, что мужчины хоть ненадолго оставят ее с девушкой наедине и ей удастся что-нибудь выведать. Кто для них эта красавица? Подруга? Сестра? Пленница? Но если последнее, то почему брюнет так прижимал ее к себе, словно нес самую великую ценность? Хоть бы удалось с ней поговорить!

Но Сумеречные смотрели на хозяйку волком, а сама девушка молчала, опустив голову. А когда женщина дотронулась до ее плеча, вздрогнула и посмотрела испуганно такими удивительно синими глазами, что женщина застыла, словно замороженная.

Брюнет окинул ее злым взглядом, и женщина, попятившись, руку убрала.

– Я хотела узнать, что госпожа будет на завтрак, – пробормотала хозяйка, стараясь опять поймать взгляд синеглазки.

– Мне все равно, спасибо, – тихо ответила девушка.

– Принесите ей кашу, выпечку и молоко, – распорядился брюнет, даже не интересуясь, есть ли все это у хозяйки. Хотя Сумеречные обладали магией, так что вполне возможно, мужчина ничего не спрашивал, потому что знал ответы.

Когда все указанное было на столе, девушка тихо вздохнула и медленно принялась за еду. Мужчины сидели неподвижно, хоть и расслабленно, и уходить, похоже, не собирались. Так что женщина разочарованно постояла и ушла в кухню, периодически оттуда выглядывая.

Но картина не менялась.

* * *

Оникс неторопливо пила молоко из большой кружки и смотрела в окно. Погода портилась, небо затягивалось темными тучами, обещая грозу. В обители, когда шел дождь, старая Марвея говорила, что это плачут Небесные Заступники, а когда гремел гром, что они гневаются, глядя на бесчинства людей внизу. Но даже в детстве Оникс не очень-то ей верила и совсем не боялась. Впрочем, девочку, выросшую в окружении мрачных стен из черного дерева, умирающих стариков и старух в масках, вообще трудно было испугать.

Так думала Оникс до встречи с айдом.

Она тряхнула головой, прогоняя эти мысли. Оникс заметила любопытный взгляд хозяйки, но слишком свежа в ее памяти была смерть кузнеца, пытающегося ей помочь, и потому рисковать чужими жизнями девушка больше не хотела. И старалась даже не смотреть на дородную, румяную женщину.

– Думаю, придется задержаться, – сказал аид. – Переждем грозу здесь.

Если Сумеречные и удивились, то виду не подали. Для мужчин, закаленных в боях, гроза не была препятствием. Ну гремит сверху да льет, не особо и беспокоит, плащ и капюшон – вот и все дела. Но удивляться или задавать вопросы айду никто не осмелился. Решил задержаться – хорошо, им же лучше.

Хотя, конечно, все поняли причину их остановки. Эта причина сейчас с безучастным видом смотрела в окно, аккуратно отламывала тонкими пальцами кусочки сдобы и отправляла в рот. И каждый из них старался не облизываться и дышать не слишком шумно, глядя, как она это делает.

Сумеречные не знали, были ли это чары, или просто девушка была красива, но от ее присутствия у всех слаженно перехватывало дыхание, и каждый из них ловил себя на таких мыслях, которые очень старался скрыть от остальных, но сны всем четверым снились примерно одинаковые.

Оникс на заявление айда не откликнулась и головы не повернула, хотя нежданная остановка ее обрадовала. Тело все еще болело после скачки в седле, к тому же любая остановка продлевает ей жизнь. И дает еще один шанс.

Доев, она поднялась и по привычке, как в обители, понесла тарелку на кухню. Айд перегородил ей дорогу так быстро, что она только вздрогнула. Подняла на него испуганные глаза.

– Иди наверх, – приказал он.

Оникс молча развернулась, поставила тарелку на стол и пошла к лестнице. В своей комнате она походила из угла в угол, не зная, чем себя занять. На улице лил дождь, и в комнате стало темно и прохладно. Она застыла у окна, рассматривая водяные дорожки. Предательница-дверь даже не скрипнула, когда он вошел, так что Оникс уже привычно вздрогнула, ощутив обнявшего ее мужчину. Она вздохнула.

– Ты не можешь оставить меня в покое? – с тоской спросила она.

– Не могу, раяна, не могу. Меня тянет к тебе невыносимо. Ты должна быть благодарна мне. Мы сейчас не трясемся в седлах под ливнем, а находимся в тепле... и уюте.

– За что мне быть тебе благодарной? Если бы я не встретила тебя, сейчас я была бы дома. Как же я жалею о том дне! Жалею, что не оставила тебя подыхать!

– Тебе так хорошо удается меня злить, раяна. Говори еще.

Оникс осеклась, почувствовав его возбуждение.

Он скользнул ладонями по ее телу. Сжал ей грудь.

– Я хочу посмотреть на тебя, – тихо сказал он. – Разденься.

– Нет!

– Да. Ты будешь делать то, что я говорю.

– А то что? – с отчаянием спросила она. – Будешь бить меня? Или снова причинять боль?

Он рассмеялся.

– Нет, раяна. Тебе – нет. Я буду причинять боль другим, например, нашей славной хозяйке. Я могу сделать ей очень больно... Хочешь?

Оникс передернула плечами. Чудовище.

– Разденься, – снова приказал он и отошел, сел в кресло, вытянул ноги.

Оникс не поворачиваясь скинула сапоги, торопливо стянула жилет, рубашу и штаны. Застыла, все так же глядя в окно, но уже не видя дождя.

– Иди сюда.

Она резко повернулась и подошла, не поднимая глаз. Смотреть в его лицо девушке не хотелось. Он протянул руку, дернул ее на себя, усадил на колени спиной к своей груди. Оникс забилась.

- Ты меня возбуждаешь, - протянул он, - сделай так еще.

И она застыла, напряженно выпрямив спину и сведя колени. Аид распустил ей волосы, рассматривая прядки на свет, наматывая их на свою ладонь, пропуская через пальцы. Его дыхание учащалось, и Оникс дрожала от страха. Аид перекинул волосы ей на грудь, чуть нажал на спину, заставляя девушку немного наклониться вперед. Левой рукой он держал ее поперек талии, а правой водил по спине, там, где цвел лори. Ее цветок двигался за его рукой, перемещался, и Оникс было слегка щекотно, и она снова заерзала, пытаясь избежать этого прикосновения.

Аид за ее спиной издал тихий рык и опрокинул ее на себя. Руки в перчатках легли на ее грудь. Оникс старалась не смотреть. Она ненавидела его руки и эти черные перчатки, которые всегда были на нем.

- Поерзай еще, - выдохнул он.

Девушка тихо всхлипнула и чуть-чуть передвинулась.

- М-м-м, как сладко... - прошептал он. - Ты даже не представляешь, что я мечтаю с тобой сделать, сладкая раяна.

- Рада, что у меня не столь большая фантазия, - тихо отозвалась она. Он снова рассмеялся.

- Мне нравится твой язык. Как жаль, что я не могу применить его по назначению. Но мне пришлось по вкусу наши игры в воде. У меня для тебя... подарок.

Лавьер вытащил из кармана длинную нитку розового жемчуга - настоящее богатство. Оникс с отвращением отвернулась.

- Не нравится? А ты привереда, раяна. Тогда найдем этой безделушке другое применение.

Он сделал из нити петлю и стал медленно проводить ею по телу девушки. Жемчужины были гладкие, прохладные и рождали в теле приятное ощущение мягкости... нежности... неги.

- Тебе ведь приятно? - негромко спросил он.

Оникс не ответила, какая разница, что ей приятно? Он ведь все равно будет делать то, что хочет. А сейчас аид хотел забавляться... И помешать ему Оникс не могла.

Гладкие жемчужины скользнули по ее животу, а потом он отпустил петлю, и бусины упали вниз.

- Раздвинь ноги, - приказал он, - вот так...

Он пропустил жемчужную нить между ее ног и сдвинул их. Только теперь бусины лежали на ее самом чувствительном месте и глубоко между ее нижних губ и ягодиц. А потом он стал эту нить двигать. Вверх - вниз. Вверх - вниз. И снова. Гладкие бусины скользили, а по телу Оникс пошла сладкая тягучая волна.

- Вот так, раяна... вот так, - шептал он, прижимая к себе ее тело. - А теперь назови мое имя.

Вверх - вниз. Чуть быстрее. Чуть глубже. Оникс забилась, пытаясь вырваться. Но из его хватки вырваться было невозможно...

- Давай, раяна, назови.

- Ран.

- Еще раз.

- Ран...

- Добавь «я хочу тебя». - Он дышал тяжело, и Оникс чувствовала, как под ягодицами напряжен его член. Там словно все огнем горело, рвалось сквозь ткань штанов к ее телу.

Вверх - вниз. Оникс ненавидела жемчуг.

– Говори.

– Ран. Я хочу тебя.

– Да... – он не прошептал, простонал. Сжал ее сосок и задвигался, чуть насаживая ее на себя и не переставая двигать жемчуг. Оникс выгибалась от этой сладкой пытки и ненавидела уже и его за то, что он делает это, и себя, за то, что не может сопротивляться. – Скажи: «Ран, не останавливайся... Ран, еще...»

Оникс повторила.

Ран Лавьер кусал губы, чтобы не сорваться. Он снова не сдержался и пришел к ней. Знал, что это мучительно, что это лишь иллюзия близости, которая не удовлетворяла его и заставляла только мучиться, но все равно пришел. Он хотел видеть ее. Ее лицо, ее тело, хотел слышать ее стоны, ее дыхание. Хотел, чтобы она называла его по имени и желала близости... Он умел играть в эти игры, использовать для возбуждения не только руки и язык, но и другие предметы. И покупая в городе нить розового жемчуга, он уже знал зачем...

Только не учел, что играть с раяной, слишком опасно. Искушение так велико... Запретная игра, от которой он был не в силах отказаться. Он двигал нить и неосознанно прижимал ее все сильнее, мучаясь и ища разрядки, желая хоть какого-нибудь соприкосновения с ее телом. Хоть малейшего. Она лежала на нем, обнаженная, восхитительная, задыхающаяся от его ласк, а он не мог до нее дотронуться. Аиду хотелось завывать.

Вверх – вниз. И тело девушки выгибается дугой, она стонет, бьется, а он отбрасывает нить и с силой прижимает ее ягодицы к своим бедрам. Чуть отпускает и прижимает снова.

Это невыносимо.

Он быстро приподнял раяну, освободил член, положил между ними тонкий шелковый платок. И прижал ее к себе.

– Скажи... еще... раз.

Оникс повернула голову. Архар! Как же близко ее губы. Розовые, влажные, чуть раскрытые... Созданные для поцелуев. Такие манящие. Так близко... Невыносимо... Только бы сдержаться...

– Я. Тебя. Ненавижу. Ран, – раздельно сказала она, и он дернулся, забился ей в бедра, вжимая свой член в шелк платка, и зарычал, кончая, выплескиваясь мощной струей, глядя ей в глаза, в эти бесконечные омуты, полные отвращения.

Никогда в жизни Ран Лавьер не хотел так убить. Только не знал кого.

Глава 5

Аид уехал, приказав псам не выпускать девушку из дома. А сам запрыгнул в седло и умчался, даже не взяв плащ. Косые струи дождя хлестали, били в лицо, но он не пытался отвернуться. Напротив, желая оказаться в центре непогоды, в самом сердце стихии.

Он доскакал до края долины, туда, где бурлила река, остановил коня. Скакун раздраженно фыркал, не понимая странной прихоти своего хозяина, прят ушами.

Лавьер замер, закрыл глаза, погружаясь внутрь себя.

Он умел концентрироваться. Выбрасывать из головы все мысли и эмоции, отсекал ненужное не только от чужой души, но и от своей. И к своей он был еще более беспощаден, убивая в себе любую слабость с истовостью фанатика. Если бы он этого не умел, Верховный аид давно был бы мертв.

Когда у маленького Рана открылся дар, его отец, лорд Синих Скал, обрадовался. Будучи человеком честолюбивым и жестоким, он всю жизнь мечтал добиться высот, которые не мог одолеть в силу того, что не хватало у него на это ни разума, ни сноровки. И всю свою злость лорд вымещал на домочадцах и многочисленных любовницах.

Ран не любил отца. Разве можно любить человека, способного бить кожаной плетью пятилетнего малыша? Собственно, в их семье никто никого не любил, как и в семьях почти всей знати. Браки заключались для выгодного обмена землями, для укрепления власти, для рождения наследников, в конце концов. Так что расти в обстановке полнейшего равнодушия и жестокости было нормальным для богатых детей.

Любить – удел простолюдинов. А богачи привыкли пользоваться.

Свою мать Ран почти не видел. Изнеженная брюнетка предпочитала проводить время в летней резиденции Лавьеров, в доме на озере, где был чудесный сад, благоухающий розами. И не менее чудесный садовник.

Когда Рану было шесть лет, он, будучи ребенком любознательным и непоседливым, залез на вишню посмотреть гнездо, что свил на ветвях пересмешник. И надо же было его матушке предаться играм с садовником, здоровым, крепким мужиком именно под этим деревом...

Несмотря на свою смышленость, ребенок не сразу понял, что именно происходит на утоптанной полянке. Зачем садовник стянул с себя штаны и тычет матушке в обнаженные бедра? Мужик задрал ей юбки, так что они упали, закрывая голову, и из-под желтых тканей лишь доносились странные глухие стоны.

Тогда мальчик сильно перепугался, что матушку убивают. А что еще мог подумать малыш, видя перекошенное лицо садовника и слыша рычание, что он издавал?

Конечно, это был странный способ убийства, непонятный... И в этом убийстве было что-то притягательное. К тому же матушка, похоже, умирать не спешила, напротив, лицо, выглянувшее из-за вороха тканей и рюшей, казалось на редкость... довольным. Маленький Ран никогда не видел матушку такой радостной, когда она смотрела на него. Обычно малышу доставались хмурые недовольные взгляды и поджатые губы. Леди Лавьер всегда была очень сдержанной в проявлении своих эмоций, никогда не ласкала и не обнимала мальчика, считая это лишним баловством. Зато сейчас малыш с изумлением наблюдал на ее лице такую гамму разнообразных чувств, которые он и представить не мог в своей чопорной и холодной маменьке. При этом она активно двигалась навстречу бедрам садовника и постанывала.

Шестилетний малыш никому не сказал об увиденном.

И еще долго сидел на ветке вишни, несмотря на то что тело давно затекло, а солнце уже окрасило горизонт красным заревом заката. Когда он вернулся, ему крепко влетело от старой няньки за то, что он весь день шлялся незнамо где.

А через два дня у мальчика открылся дар, и отец впервые в жизни посмотрел на отпрыска с гордостью, даже похлопал по плечу, как взрослого, и подарил свой кинжал. Матушка равнодушно улыбалась, и, глядя на нее, Ран видел перекошенное лицо садовника.

Утром малыша отвезли в Долину Смерти, в цитадель Сумеречных псов, где обучались мальчики с даром. В Синие Скалы Ран вернулся лишь спустя десять лет. К тому времени отец уже прирезал матушку, застукав ее на конюшне с задранными юбками, а сам погиб на охоте, глупо свалившись под копыта собственной лошади. Обе эти смерти почти не вызвали отклика в душе Рана, к тому времени он был уже ведущим у псов – юный и злой, беспощадный настолько, что даже наставники опасались с ним спорить. А сокурсники просто обходили десятой дорогой.

Все знали, что с Лавьером лучше не связываться. Его боялись. Его уважали. И им восхищались. Издалека.

* * *

Ран Лавьер поднял голову, подставил лицо под струи дождя. Тугие капли били по коже, хлестали по щекам. Аиду нравилось. В отличие от большинства людей Лавьер любил непогоду. Разгул стихии странным образом успокаивал его, а в водовороте бури он видел красоту. Он чувствовал ее как часть себя.

Теплые и погожие деньки, радующие нормальных людей, вызывали у Лавьера сонную зевоту и скуку. Он не понимал, как можно сидеть целый день на солнышке, грея бока под теплыми лучами, и получать от этого удовольствие? Впрочем, у него никогда не было времени на то, чтобы это попробовать.

Аид смотрел на тучи, в глубине которых мелькали молнии и зарождался гром, и напряженно думал. Подумать было о чем. За три оборота луны на него

совершенно четыре покушения, к счастью, неудачных.

Зато после последнего удара ножом он чуть не отправился к Сумеречным Вратам. Если бы не монахиня обители Скорби, что подобрала его...

Лавьер нахмурился, додумать не удалось. Потому что мысли снова сбились, а внутри заворчалось, закрутилось тугое желание вернуться, увидеть, прикоснуться... Почему его мысли постоянно возвращаются к ней? Сколько было в его жизни женщин – разных, красивых, восхитительных! И почему сейчас он не может вспомнить ни одного имени, вызвать перед мысленным взором ни одного лица? Перед глазами стояла лишь она. Ведьма...

Он закрыл глаза, раскрыл ладони, заставляя непогоду усилиться. Выть еще сильнее, сходить с ума, бесноваться и закручиваться вихрями, бить о землю палки и мусор, хлестать и рвать... Бессмысленная растрата магии, глупый поступок, который совершают лишь юнцы, впервые ощутившие дар. Но Лавьер первый раз за долгие годы позволил себе эту глупость и с усмешкой продолжал, лоя удовольствие от буйства стихии.

* * *

Когда аид ушел, поправив свою одежду и больше не посмотрев на девушку, Оникс вскочила, схватила с кровати покрывало, укуталась. И посмотрела на жемчуг, брошенный на полу. Даже она знала, что такая нитка стоила очень дорого, розовый жемчуг добывался только в далеком море на юге империи.

Оникс мечтала увидеть море. Всю свою жизнь она провела на скалах, где было прохладно даже летом. А на южном море, говорят, можно ходить совсем без одежды, настолько там тепло, или в тонких шелковых шальварах, которые легки, словно перышко, и раскрашены, как оперение дивной птицы-сан. Хотя, возможно, все это лишь байки.

Девушка сбросила покрывало, подошла к кадучке, рассматривая в воде свое отражение. Она не понимала своей красоты. Обычная внешность – глаза, нос, рот. Если бы кто-то предложил ей забрать все это в обмен на неказистую наружность и спокойную жизнь, она согласилась бы, не раздумывая. Но кто ж такое предложит... Небесные таких сделок не заключают. Но Оникс не желала

предаваться унынию и не видела смысла в том, чтобы биться головой об стену, сетуя на несчастную судьбу.

Про цветок лори ей рассказала Марвея, когда Оникс было лет пять. Старуха поманила девочку в темный угол и обыденным голосом сообщила, что то, что Оникс воспринимает как непонятную щекотку на спине, на самом деле рисунок. Печать проклятия, доставшаяся ей. Старая Марвея была не слишком сентиментальна и ласкова, не умела общаться с детьми, поэтому с маленькой Оникс она разговаривала как со взрослой и о том, что ждет девочку, тоже говорила без утайки. И Оникс восприняла это спокойно. В пять лет ребенку непонятно слово «смерть». Она не могла взять в толк, как это так, ее убьют? А что же дальше? Неужели солнце будет так же всходить, старухи шаркать разношенными ботинками, кошки рожать котят в сарае, а ее, Оникс, не будет?

Не может такого быть.

А потом она просто привыкла к этой мысли. Тем более что годы шли, лори не расцветал, а жизнь казалась неизменной и постоянной, хоть и скучной.

Оникс поплескала в лицо водой, обмыла тело. Она старалась не думать о том, что делает с ней аид. Старалась не вспоминать. Зачем? Только лишние слезы... Она не понимала, почему ее тело отзывается на его ласки, если душа ненавидит? Как такое возможно? Злые слезы снова закипели в глазах, и Оникс раздраженно смахнула их рукой.

Потом оделась, заплела волосы в косы и осторожно дернула дверь. Удивительно, но она открылась!

С опаской девушка вышла в коридор и нос к носу столкнулась с Гахаром.

– Я хочу... пройтись, – неуверенно глядя на блондина, сказала Оникс. К ее радости, он кивнул.

– Раяна может ходить где хочет, но не покидать дом, – мягко сказал он и добавил: – На вас аркан.

Она кивнула. Мужчина смотрел на нее без злости, так что она, поколебавшись, все же сказала:

– Мне жаль, что аид наказал вас, Гахар. Из-за меня, за те орехи. Простите.

Он молчал, но в серых глазах пса на миг явно вспыхнуло удивление, которого он не смог удержать и скрыть, несмотря на многолетнюю выучку. И медленно кивнул.

А Оникс двинулась к лестнице, чувствуя его взгляд на своем затылке.

Внизу она нашла хозяйку, которая явно обрадовалась ее обществу. Привыкшая к работе девушка страдала от безделья и помощь предложила с удовольствием. Женщина, представившаяся Дореей, смотрела скептически, как это госпожа будет помогать ей? Что за странная прихоть? Да госпожа, верно, ничего тяжелее шелкового веера в руках не держала?

Оникс вспомнила трупы, что они с Марвеей и колченогой Бетой тащили на костер, и улыбнулась. Да уж, веер был еще тот...

Впрочем, Дорея быстро поняла, что госпожа не так нежна, как кажется, и разделяет тушки не хуже заправского мясника! И лишь удивленно поглядывала, как споро Оникс кромсает мясо и режет овощи для супа.

Особо поговорить им не удалось, хоть у Дореи и ныло нутро от желания все прознать про странную компанию, что гостевала у нее. Но на стуле у окна красноречиво сидел один из псов, неотрывно глядя на Оникс. Сначала это был шатен Ар, и в его присутствии девушка чувствовала себя скованно и неудобно. Потом его сменил Гахар, и стало легче, блондин по крайней мере не вызывал у нее такой неприязни.

Гахар сидел молча, облокотившись о стену, так неподвижно, что через какое-то время женщины почти забыли о его присутствии. И уже весело болтали о своем, девичьем. Вернее, болтала Дорея. Она вываливала на Оникс местные байки и разговоры, радуясь свежему слушателю и искренне веря, что Оникс все это интересно. Хотя девушке было и правда интересно, такая болтовня на кухне создавала иллюзию дома и безопасности. Поэтому слушала она внимательно, вовремя вставляла ахи и междометия, так что у хозяйки создавалось

впечатление активного диалога. Между тем о себе и своих спутниках Оникс не сказала ни слова.

И все время, что Дорея рассказывала о соседе-пьянчуге и ценах на зерно, Оникс ждала подходящего момента. Кивала, чуть сдвигаясь в сторону, ненароком поворачиваясь к Гахару спиной. Несколько раз, чтобы он привык к ее движениям и уже не реагировал. Чтобы обмануть, усыпить бдительность, зачаровать.

Все ее чувства сосредоточились на тонком узком ноже, что лежал на столе. И в какой-то момент Дорея ненароком помогла ей, повернулась неловко, рассыпав на столе корзину зеленых яблок, и с шумом засуетилась, принялась собирать, закрыв Оникс своей пышной фигурой.

Миг – и Гахар уже стоит рядом, внимательно наблюдает за девушкой, равнодушно отпихивает хозяйку. Оникс посмотрела на него спокойно и слегка удивленно, всем своим видом выказывая недоумение от его поспешного приближения.

И прижимая к боку руку с ножом в рукаве.

* * *

Ужинали похлебкой из утки и пирогами с яблочной начинкой. Непогода разгулялась так, что чуть не сносила крышу, и хозяйка убежала во двор с беспокойством проверять хлипкие сараюшки, в которых хранились дрова и жили куры.

Аид вернулся промокший насквозь, потоки воды стекали с его одежды и оставляли лужи на досках пола. Не обращая на это внимания, он поднялся по лестнице на второй этаж, ушел в свою комнату. Оникс безмятежно смотрела в окно, и когда он вернулся, даже головы не повернула. Быстро поев, она ушла наверх, стараясь ни с кем из мужчин не встречаться взглядом.

В комнате она походила, раздумывая, не подтащить ли к двери лавку, но с сожалением отбросила эту мысль. Лавка аида не удержит...

Но теперь у нее было кое-что лучше – нож с тонким лезвием, надежно припрятанный под тюфяком.

Если бы она знала, как скоро ей придется им воспользоваться...

* * *

Вечер спустился на землю быстро, по-осеннему. Пасмурный день перетек в холодные сумерки, наполненные стуком дождя по бревенчатым стенам. Такая погода всегда навевала на Оникс сон, к тому же к вечеру похолодало. Так что она не придумала ничего лучше, чем лечь спать. В обители спать ложились всегда рано, во-первых, уставали за день, а во-вторых, берегли масло в лампах.

Так что Оникс разделась, надела ночную сорочку, распустила волосы, пытаясь расчесать гребешком спутанные пряди.

И почти не вздрогнула, когда аид остановился перед ней. Привыкает, что ли?

Мужчина стоял, рассматривая ее, заложив руки за спину, и молчал. Волосы все еще мокрые после дождя, хотя одежда сухая.

Игнорировать его присутствие получалось плохо, так что Оникс раздраженно положила гребень на лавку и посмотрела в глаза айда.

– Я собираюсь лечь спать, ты что-то хотел?

– Ложись, – все так же, не отрывая от нее взгляда, сказал Лавьер.

Оникс повела плечом. Прошла через комнату на носочках, зябко поджимая ноги на холодных досках, и залезла под покрывало. Аид сел на кровать, Оникс демонстративно закрыла глаза и повернула голову к стене.

– Ты такая красивая, – тихо сказал он. Оникс не реагировала. – Просто преступление быть настолько красивой. И желанной.

Девушка не выдержала, открыла глаза.

- Да, и за это преступление меня убьют. Спасибо, что напомнил.

Он протянул руку. Сдвинул светлую прядку с ее щеки. Дотронулся до губ, провел по шее. Оникс отвернулась.

- Посмотри на меня, раяна, - так же тихо сказал он.

- Оставь меня в покое! - прошептала она. - Пожалуйста, уйди!

Он продолжал гладить ее лицо. Оникс крепко сжимала зубы, дергаясь от этих легких прикосновений.

Кровать скрипнула, прогибаясь под его весом. Он навис над ней, с жадностью рассматривая лицо.

- Посмотри на меня.

Оникс распахнула глаза, надеясь, что ее взгляд выражает полную меру ее злости и презрения.

- Как тебя зовут?

Она поморщилась. И не надоело ему задавать один и тот же вопрос? Сколько можно! Неужели не понятно, что она не ответит?

Руки в перчатках медленно потянули покрывало, стягивая его с девушки.

- Не трогай меня! - прошипела она.

- Разве я трогаю? Если бы я мог тебя... трогать... ласкать, чувствовать...

Он склонил голову, проводя пальцами по ее телу. Снова, снова этот взгляд, эти прикосновения. Этот мужчина, которому нравилось ломать ее. Которому было наплевать на ее ненависть и ее чувства, который привык просто брать то, что он хочет.

Оникс коротко вздохнула. А потом скользнула рукой под тюфяк, вытащила нож и уперла кончик лезвия аиду в грудь, туда, где у обычных людей бьется сердце.

Лавьер опустил голову, посмотрел на ее руку, решительно сжимающую рукоятку ножа, и рассмеялся. Эта игра становилась все занимательнее.

- Не трогай меня, - прошипела Оникс.

- Неужели сможешь? - улыбаясь, спросил он.

- Не трогай меня, пес! Или я сделаю это!

- Так сделай, раяна, - глядя ей в глаза, сказал он. - Сделай, я не буду сопротивляться. Воткни глубже. Один раз я уже позволил тебе ранить меня, так интересно было, как далеко ты можешь зайти... Давай, сделай. Убей меня, и аркан исчезнет, может, тебе даже удастся убежать...

Оникс с отчаянием смотрела в его глаза. Сумасшедший. Совершенно...

- Хочешь, я помогу тебе, раяна? - улыбнулся аид.

Он чуть склонился, так что черная ткань рубашки прогнулась под кончиком ножа.

- Это не трудно, - продолжил он, - убить человека. Совсем просто. Одно движение, и жизнь обрывается. Ну же, не бойся, воткни его в меня. Ты ведь хочешь свободы? Это твой шанс.

Он склонился еще сильнее. Нож разрезал ткань и уперся в кожу.

- Бей сильнее, - шептал он, - давай. Иначе я сделаю с тобой, что захочу... Останови меня, раяна.

Оникс в отчаянии смотрела в его лицо, в зеленые глаза. Он сделал еще движение, просто напарываясь на нож, не переставая улыбаться, и по черной ткани медленно поползло пятно крови.

Девушка закусила губу. Сумасшедший. Совершенно ненормальный безумец! И со всхлипом нажала сильнее, уже понимая, что не сможет... Наверное, она глупая и слабая, потому что это шанс, а она... колеблется. Оникс смогла бы убить в драке, в запале борьбы, когда нет времени на раздумья, а кровь бурлит в жилах от страха и агрессии, но вот так... Глядя в глаза. Просто воткнуть сталь в чужое тело? Ненавистное, пугающее, но живое? Как это сделать? Трудно... Надо... Еще чуть-чуть...

Аид перехватил клинок и сжал в ладони.

- Не стоит воровать нож, если не можешь убить, - спокойно сказал он.

Оникс в ужасе уставилась в его глаза.

- Ты знал... - выдохнула она. - Знал, что нож у меня...

Он усмехнулся.

- Я ведь сказал тебе, чтобы ты это сделала. Теперь мы будем делать то, что хочется мне.

Она вскрикнула, когда аид снял с нее покрывало, закинул ее руки за голову и одной ладонью сжал запястья. Подцепил ножом воротник ее ночной сорочки и распорол ее. Оникс дрожала, чувствуя прикосновение кончика ножа к своей коже. Он убрал ткань и провел лезвием по ее животу. От ощущения холодной стали, от ужаса на глаза навернулись слезы.

- Тебе нравятся такие игры, раяна? - спросил он. - Расскажи, что тебе нравится? Как много мужчин ласкали тебя? Твое тело так красиво... совершенно. Трудно устоять перед искушением. Скажи мне, какие ласки ты любишь, я хочу знать.

Он говорил и водил ножом по ее телу, чуть переворачивая клинок.

Оникс застыла, боясь пошевелиться, сжимаясь от этих касаний. Сталь замерла у ее соска, обрисовала наверхие полукругом, оцарапав кончиком кожу. Не больно, но так жутко, что из глаз потекли слезы.

Аид замер, внимательно глядя на нее, чуть нахмурился. Убрал нож. Он и сам ходил по краю, ее тело было куда опаснее безобидного кухонного ножа. Но от вида лезвия, скользящего по ее коже, он возбуждился так, что застучало в висках... Не то чтобы Лавьер был большим любителем подобных игр, скорее он добавлял их в качестве легкой приправы, чем подавал основным блюдом. Хотя порой его извращенное сознание все же требовало более острой близости. Иногда слишком острой. И согласия своей партнерши или партнерш он обычно не спрашивал. Правда, он всегда тонко чувствовал край, на котором стоит остановиться, чтобы не сорваться в бездну.

Лишь после встречи с раяной границы его осознания грани стали все сильнее размываться, и он уже не знал, чего хочет больше: удержать на краю или упасть? Аид разозлился, когда Гахар сказал ему, что девушка стащила на кухне нож. И почему-то испугался. Испугался, что она сделает что-нибудь... с собой. Поэтому и рванул в ее комнату, хотя, стоя у реки, обещал себе больше этого не делать.

Он стал с поразительной регулярностью нарушать собственные обещания.

И сейчас она лежала перед ним. Открытая, доступная, кусала свои прекрасные губы, вздрагивала. У него мутилось в глазах от вожделения, от похоти. Одержимость этой девушкой становилась все сильнее.

– Я хочу, чтобы ты кое-что сделала, раяна, – хрипло сказал он, – надень.

Он протянул ей бархатные перчатки. Оникс медлила, и аид схватил ее ладонь, сам натянул ткань на ее пальцы, сжимая зубы.

Девушка с недоумением смотрела на него. Перчатки были длинные, выше локтей, из гладкой, прохладной на ощупь ткани.

– Я хочу, чтобы ты потрогала меня, – сквозь зубы сказал он, нависая над ней. Оникс сжала губы.

– Я не буду...

– Не зли меня. – Зеленые глаза стремительно темнели. – Лучше не зли. И все останутся живы.

Оникс вздохнула. Спротивляться аиду было бесполезно. Что она могла сделать? Для него убить как вздохнуть – так же легко... И Оникс уже поняла, что убьет он не ее, а в первую очередь Дорею. Если бы хозяйка дома знала, сколько раз ее жизнь висела на волоске, на тонкой ниточке прихотей Сумеречного пса!

Оникс положила ладони на его грудь, провела. Медленно. Хотела отвернуться, чтобы не видеть его голодных глаз, но он не позволил.

– Смотри на меня, – приказал Лавьер.

Оникс подчинилась. Он нависал над ней, упершись локтями с двух сторон от ее головы, не отрывая сумасшедших глаз от ее лица.

– Еще. Расстегни... рубашку.

Девушка потянулась к пуговицам, неловко перебрала их одну за другой. Распахнула. На загорелой коже под сердцем все еще текла кровь, там, где она разрежала ему кожу. Но аид, кажется, этого не заметил.

– Погладь... меня... и оближи губы.

Оникс делала, как он говорил. Просто делала, стараясь не думать. Лавьер прижался бедрами к ее ногам. Мало... Ему этого мало. Он хотел почувствовать ее прикосновение, хотя бы в перчатках. Аид чуть откинулся, опустил руку вниз, расстегнул штаны, взял ее ладонь и сомкнул ее пальцы на своем члене.

– Сожми, раяна, – хрипло приказал он, – сожми...

Он чуть двинул бедрами, нетерпеливо, чувствуя на себе ее прикосновение. С трудом удерживаясь от желания двигаться, вколачивать себя в ее ладонь. Сжал ей грудь. Потом положил свою руку поверх ее ладони, регулируя степень нажатия.

– Вот так, раяна, хорошо, еще... не останавливайся...

Оникс откинула голову, чувствуя себя странно. Все происходящее было странно. Она видела, как меняется его лицо от движений ее пальцев, как он сдавлено стонет, опустив голову, как двигается, пытаюсь глубже и сильнее войти в кольцо ее пальцев. Повинуясь его приказам, Оникс сжала, разжала и снова сжала.

- Еще, - хрипло выдохнул он.

Он смотрел на ее тело, на грудь, живот, светлые волосы между ног. Сжимал зубы. Желание почувствовать ее тело... Искушение. Так близко. Стоит только сорвать перчатки, раздвинуть ей ноги, войти... Кровь стучала толчками. Больно. Эту дикость он чувствовал как боль. Легче вогнать клинок себе в грудь, чем вытерпеть. Чувственно. Еще... Еще...

Аид резко оттолкнул ее руку, одним движением перевернул Оникс на живот, коленом раздвинул ей ноги и встал между ними. Она вскрикнула, выгнулась. Прогиб в пояснице стал совсем нереальным...

Мужчина положил одну ладонь на ее ягодицы, пальцы в перчатках коснулись узкой расщелины, наклонился и несколькими быстрыми движениями довел себя до оргазма, выплескиваясь на черный цветок лори. Замер, с трудом восстанавливая дыхание.

- Не поднимайся, - приказал он.

Стирая с тела девушки свое семя, Лавьер мрачно пообещал себе, что больше к ней не прикоснется. Эти игры становились все заманчивее, каждый раз он хотел большего. Первое, чему учат в долине смерти, это разумно оценивать свои возможности, а последнее время аид слишком часто переходил границы собственных принципов, слишком легко соглашался на что угодно, лишь бы еще раз ощутить эту сладкую муку и поверить в эту иллюзию близости.

Он хотел ее, хотел до звона в ушах, по-настоящему сильно. Хотел удовлетворить эту жажду, утолить безумный голод, но соглашался даже на подделку, заставлял ее, принуждал и не получал желаемого облегчения. Внутри только закручивалась злость, прежде всего на самого себя.

И не мог остановиться.

Поэтому аид стер с нее следы своей страсти и ушел, без стука закрыв за собой дверь.

Через несколько минут в комнату к Оникс осторожно постучала Дорея и положила на лавку новую ночную сорочку. Девушка лежала, свернувшись под покрывалом, и головы не повернула.

Глава 6

К утру распогодилось и небо прояснилось. Правда, было прохладно и сыро, но дождь уже не хлестал с неба, а солнечные лучи бледно дрожали в лужах.

После завтрака они снова отправились в путь. Оникс тепло простилась с Дореей, которая вздыхала разочарованно, прикидывая, что именно сможет рассказать любопытствующим соседкам. Конечно, ничего конкретного она так и не узнала, но приметливый бабский взгляд заметил и тот беспорядок, что был в комнате девушки, и ее разорванную сорочку, и движения брюнета, который постоянно словно закрывал красавицу от посторонних глаз и смотрел на нее, смотрел... И от того, что видела Дорея в зеленых глазах, ей стало страшно. И жарко. За бесстрастностью Сумеречного таился зверь, наблюдающий за своей добычей. Выжидающий хищник, готовый наброситься и разорвать.

Так что хозяйка сильно обрадовалась, провожая незваных гостей. И, несмотря на щедрую плату, искренне понадеялась, что в ее жизни таких постояльцев больше не будет.

* * *

Оникс сидела на лошади, укутанная в плащ аида. Тело отдохнуло или привыкло и уже легче переносило скачку. Тем более что псы не торопились, не гнали лошадей, а ехали спокойной рысью. Она привычно спрятала лицо под капюшоном и разглядывала окрестности из глубины ткани. На своих спутников девушка не смотрела вовсе, те тоже ее по большей части игнорировали. Оникс подумала, что будет, если она ударит пятками по бокам лошади и попытается

сбежать, вырваться? И тут же отбросила эту мысль. Даже если не брать в расчет аркан, она слишком плохая наездница, чтобы удалось оторваться от четверых опытных всадников. Самый вероятный исход такого поступка – это то, что она свалится под копыта лошади и свернет себе шею.

Но умирать Оникс не хотела. Несмотря ни на что, она страстно желала жить. Хотела сбежать, обмануть, скрыться, но жить! Жажда жизни в юном теле раяны перевешивала страх и отчаяние. И Оникс сжимала зубы, моля Небесных Заступников, чтобы подарили ей шанс на спасение!

Но пока Заступники не торопились к девушке на помощь. И ей оставалось только трястись на лошади и осматривать окрестности. Впрочем, особо осматривать было нечего. Они ехали вдоль реки, от которой тянуло затхлой сыростью. Шелестели по берегу камыши. Порой вылетала из зарослей утка, и Оникс провожала взглядом ее полет. Хорошо быть птицей, взлетать над рекой, расправив крылья... Арбалетный болт просвистел в воздухе, и тушка сбитой утки упала перед лошадьми.

Оникс обернулась на айда, опускающего арбалет. Порой ей казалось, что он читает ее мысли и насмехается над ними.

Молчаливый Ар на ходу подобрал тушку, даже не замедлив движения своей лошади.

Через час остановились на привал в светлом подлеске, в изгибе реки. Оникс слезла с лошади и пошла в сторону, желая размять ноги и тело. И каждое мгновение ожидая приближения айда, но странно, он за ней не пошел. Даже, кажется, не посмотрел ей вслед. Девушка шла, не оборачиваясь. Вот уже путники скрылись из виду за стволами деревьев и кустарником, а впереди маячит водная гладь, манит...

Еще несколько шагов... Дыхание остановилось. Невидимая петля затянулась на шее, не позволяя более сделать ни шага.

Оникс замерла, пытаясь вздохнуть. Сделала шаг назад, стало легче. Еще один. Ощущение удавки исчезло бесследно. Она на глаз оценила расстояние своего аркана. Примерно сто шагов. Не много. Но и не так уж мало...

Жаль, что она совсем ничего не знает о магии. Сумеречные псы были закрытой кастой, слишком страшной, чтобы люди вникали в их тайны. Удивительно, но издревле магией обладали только мужчины. И тех было мало, дар просыпался в людях крайне редко. Оникс не знала, какая магия была у сопровождающих ее псов. Кроме айда, конечно. Его страшную силу она на себе уже ощутила.

Любой мальчик или юноша, обнаруживший в себе дар, был обязан явиться в долину смерти, Владыка не терпел неповиновения и не собирался оставлять в империи неучтенных магов. А после цитадели эти мальчики становились псами – верными стражами своего господина. Простой люд шептался, что в цитадели они проходят страшный обряд, убивающий душу и оставляющий только холодную беспощадность.

Никто не знал, что из слухов было правдой, а тот, кто знал, уже не мог рассказать.

Еще ходили слухи, что лишь один мальчик смог когда-то покинуть цитадель, убежал и долго скрывался в подземных пещерах Хаакии. Что его вырастили лисы, научили своим повадкам, и потому его так и не смогли поймать. Он был единственным, кто осмелился кинуть вызов Темному Владыке и попытался свергнуть тиранию императора.

Его звали Каяр.

Оникс тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. Хорошо бы таинственный Каяр убил Владыку до того, как они прибудут в Град, вот уж была бы радость! Хотя с чего она взяла, что правление Лиса было бы лучше? Или что он в отличие от императора пощадил бы раяну?

Глупые надежды, ненужные мысли.

Она еще походила вперед-назад, испытывая надежность аркана. Но он был слишком прочный, петля на ее шее затягивалась моментально, выдавливая воздух. Девушка постояла, раздумывая. Посмотрела на реку. Набрала побольше воздуха и кинулась вперед, изо всех сил перебирая ногами и пытаясь вырваться, разорвать, освободиться. Воздух исчез, легкие пылали без спасительного глотка, но она упрямо шла, ползла вперед!

Сильная рука сгребла ее за шиворот и встряхнула. Оникс жадно глотала побелевшими губами вернувшийся воздух, с тоской смотрела в разгневанное лицо.

- Что ты творишь? – рявкнул аид и тряхнул ее, как щенка.

Он разжал руку, и Оникс не устояв на ногах, упала на землю, все еще пытаюсь отдышаться.

Лавьер оттянул ей за волосы голову, открывая шею. На нежной коже проявилась вполне заметная красная полоса, и аид с раздражением провел по ней пальцем. Девушка дышала короткими вдохами, нежные губы побелели, ресницы снова мокрые от слез.

Он посмотрел ей в глаза.

- Не делай так больше, – с угрозой сказал он. – Ты не сможешь сбежать, раяна.

- Буду, – прошептала Оникс, – я буду пытаться сбежать, пока жива, аид.

Он смотрел в синие омуты, в которых наряду с отчаянием горела решимость.

- Пытайся, – спокойно сказал он, – все равно у тебя ничего не выйдет. От меня не сбежать, раяна. Еще никому это не удавалось.

Оникс с ненавистью смотрела в зелень его глаз. «Значит, я буду первая», – с отчаянием смертника подумала она.

* * *

Ночевали снова в каком-то городке. Оникс уже устала от смены этих домов, разных и одинаковых. Она заметила, что, несмотря на явную состоятельность, аид был весьма равнодушен к внешнему комфорту. Да и остальные псы с одинаковым безразличием относились что к скромным деревенским домам, что к дорожным тавернам, что к богатым, как этот. Воспитанники цитадели привыкли к аскетизму.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/zachem-cvetet-lori>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)